

автоматика приняла тело израненного сержанта. Палая намертво, доблестный гвардеец успел прокричать: «Вперед, братья! Круши!» И товарищи Ставника подобрали его предсмертную просьбу. На один гитлеровец не упал от изнеможения. Помчунист гвардии сержант Пашченко в упор расстрелял из автомата двух немцев, в третьего, спрятавшегося в кювете траншеи, он бросил гранату. Но немцы успели провозвести выстрел. Пуля пробила ласку хребта, коснулась черепи. Глазнец не чувствовал ранения. Кровь заливала лицо, слепила глаза, но он упорно шел вперед, за ним — его бойцы.

Обессиленный и потерявший сознание от большой потери крови, Пашченко упал на бруствере третьей линии траншеи. Его подобрал санитар и поволок на подпункт. Но слова о хребте уже разнеслись по наступающим цепям, славный подполковник Помчунист Пашченко поодиночке пошел.

Когда и Пашченко вернулось сознание, он категорически запротестовал, чтобы его отпустили и помрут. «Мое место в цепи», — говорил он.

Правда на поле боя генерал Целиков натравил хайбрина армян Службы III степени и вручил ему награду. Листочки-жалобы разнесли эту весть по цепям наступающих. А через час Пашченко опять был в цепи боя.

Командир вклада конюшеского гвардии лейтенант Карелин похоронил бесстрашный солдат Александра Никитина. Когда на пути гитлеровцев батальона Басарова, наступавших Армяки, попал вражеский дот, он, не раздумывая, бросился на дот и своим телом приврал огнемеханическую аппаратуру вражес-

кого дота. Над верного сына Родини Петра Карелина увековечено на памятник героям наступления Пересина, установленным на Турецком полу. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

По всему перекопке, по всем наступающим частям прокатились слухи о подвиге и офицера гвардейского батальона санитаров Николая Басарова. О выстрелы атаке этого батальона узнали в враги. Плененные немцы, вынуты глаза, говорили: «О, это дьявольская атака!».

Шел третий час боя. Командир гвардейского полка гвардии майор Данко во радио докладывал генералу Целикову:

«Прошел три линии траншей. Орудия рушатся вперед. Наморозившись через пладышко взойти на западную окраину Армянска. III перекопку на высоту 4,7. Прошу разрешить».

Генерал Целиков не мог сдержать улыбки и искреннего восхищения действительности этого молодого, но способного и растущего командира. Боевое дух лет они были вместе, на его глазах, как его капитанника, рос Данко. Генерал, поблизости с III за развитием боя, уже не раз мысленно прокричал: «Молодец Данко! Чистая работа!» А кончившейся армией, озабоченности с обстановкой, жалкой: «Передайте Данку и всему составу полка благодарность за умелые действия, за ловкую храбрость».

И генерал Целиков радостно:

«Войсковой Совет объявил вой и всему составу полка благодарность. В Армянск армянитесь. Вы похоронит артиллерию, она уже получила приказ. Подготовку артиллерии — в боевые поручения».

Усиленно развилась атака и на других участках. Че-

Дважды повторялись жестокие атаки. Дважды переключался огонь артиллерии в глубину, и как только оказывал передний край противника, ливень огня разбрасывался в траншею противника, мешая с делами разорванные в клочья тела гитлеровцев, поднимая в воздух обломки вражеского оружия.

Два часа и тридцать минут бушевал огненный смерч на позициях врага, сокрушая бетон и металл, перекалывая живую силу противника. Побегровел горизонт. От пыли и дыма, поднимавшихся высоко в небо, потускнело солнце. Темн стрельбы вопрос. Изот о воздух поджигались сигнальные ракеты. Огонь артиллерии переключался.

— В атаку! — пронеслось по линиям траншей.

— За Родину, за Сталина! — слилось в единый гул.

— Ура! — перекачывалось по перешейку.

И не было силы, которая могла бы остановить движущуюся лавину. Впереди шла гвардия. Мгновенно гвардейский батальон капитана Бакирова преобразился в пешую. Первый цепь ворвался в траншею и, раскинув себе путь, не задерживался, двинулся вперед. Вслед за ней в траншею рванулся второй цепь, затем третий. Ведущий и цепь были бесстрашные воины, верные сыны Родины — коммунисты — гвардия младший сержант Станок, гвардия сержант Ишкенов, гвардия старший сержант Перфильев и десяти других. Беззаветным слугой, личным примером бесстрашия и отваги вел на штурм стальной цепь гвардии.

Еще не успели земля от пальнющего огня не разбоялась клубы ч, когда Бакиров и Перфильев

в траншею вошли. Там, где несколько минут назад тяжелые советские снаряды рвали землю, запылали рубомашинные слитки.

Построение атаки в три линии цепей позволило вести бой одновременно на большую глубину — в трех линиях немецких траншей. Враг упорно сопротивлялся. С каждой минутой возрастало его ожесточение, бой принимал все более острый характер. Немцы неслись за каждый метр траншеи, за каждую воронку. Оправившись от шального удара, начали бить немецкая артиллерия.

Но ничто не могло противостоять напору гвардии, героизму советских воинов.

Гвардейцы капитана Бакирова — герои Сталинграда, участники пленения фельдмаршала фон-Паулюса, вихрем неслись по вражеским траншеям. В течение 45 минут они взломали три линии немецких траншей, взяли глубокий плац и немецкую оборону, поставив под удар фашистского врага. У бесстрашных мужеством дрался гвардейца, Бакиров сам находил в штурмовых цепях.

Безумный штурмовой цепь гвардии старший сержант Перфильев, ворвался первым в траншею, лицом к лицу столкнулся с немецким офицером. Немец не успел поднять руку с пистолетом, как богатырский удар Перфильева разнес его череп. Продолжая стремительно продвигаться по траншее, Перфильев уничтожил еще двух гитлеровцев и потерял пленки.

Гвардии младший сержант Станок, орудуя пистолетом и винтовкой, расстрелял и упор сопротивляющихся, дрался с семью гитлеровцами. Уже три раза лежала у его ног, когда очередь подошла

ли Казарден и генерала Баранетина, заланивал метр за метром вражескую оборону, так же упорно шла вперед.

На четвертом часу бой свирепел напор Дайко вновь радировал:

«Веду бой на западной окраине Ариниска. Батерон, нормализи-первыи в горой, отыкает дом на югом. Лоспаша поддерживает. Батисарность верзет. Огны кланутся, что горой выжмут».

Вслед за гвардейцами с восточной стороны в Ариниск ворвался подразделение генерала Казардена. Батальоны старшего лейтенанта Чебоксина и капитана Самарина, сложив ожесточенное сопротивление врага на подступах к Ариниску, ворвались на окраины города и, выйдя из гитлеровцев из бункеров и домов, медленно, но уверенно теснили врага на юг.

На восьмом часу бой окончательно перевернулся. Неманская крепостная оборона на вернейшем участке по всем направлениям рушилась под ударами советских танков.

Одним из них еще не только продолжал опалывать сопротивление, а, подступив вплотную к танку, бросил их в контратаку. Бой на Ариниск разгорелся с новой силой.

Угрюмая ночь встретилась им на контратакующую пехоту и танки. На встречу бронированные машины выскочили бронебойщики. Среди них был красноармеец Палый. У него на лице струилась кровь. Но, преодолевая жуткую боль, приказ бронебойцу, он двинулся навстречу гремящим гусеницам танков. Глаза бойца были воспалены. Уже 23 вражеских машины числились на его боевом счету. И он поклялся увеличить их счет в этот бой до 25. Палый чомиком развалился, выстрел уби-хоты для уюта бронебойщи-

С захрипевшем сердцем он ждал подходящего броневида. Он позвучал его ближе, чтобы бить паверника. И вот грянул выстрел. Броневида остановился, и стн из моторной части вылетел сильный дымок.

— Горит! — закричали рядом. — Еще, Палый, еще!

Легкий менионный танк прыгнул на выжженных Палый. Статуя зубья, он сделал еще один выстрел. Но танк прекратил двигаться. «Проклятый!» — прошептал он и, вскинув лопатку патронов в патронник, выстрелил еще. Танкетка, пробежав еще несколько метров, заредела мотором, завертелась на одной гусенице и, вырвавшись, встала, как уродливый зверь. Палый вылезал из боковой башки и начал сгущенный рычание. Через несколько секунд для обвала нестерпимую панику.

Ночью прилагали все усилия, чтобы срезать сопротивление гвардейского полка Дайко. На западной окраине города бой имел более ожесточенный характер. Роту гвардии лейтенанта Рубен Аюнина атаковала пехота танков и до батальона немцев. Гвардейцы, как лавы, бросались в бой, крушили врага. Полные кулаки, захрипевшие в боях порывы, были в уюте на вражеском направлении. Роты гвардейцев резали с западной стороны, но не убивали еще и полк гвардейцев с победой. До конца боя большинство Аюнина руководил бойцами, доблестью и отвагой одолевая противника, несмотря на тяжелое ранение.

В критическую минуту боя, когда немцы пробирались к своим ретивым рубкам, танкетка батальона гвардии капитана Батерона, капитан выстрел гвардейцев в атаку. Палый сбил

руководителем сражения. Не выдержав спонтанного удара, отряд, который несомненно достигли солдаты, отомыл. В этот бой пал смертью храбрых прокламанный гвардеец капитан Михаил Бакеров.

Высшие командиры — комиссар Герас Советский, Совет укрепрайона, представители горно-пешеходного батальона — Михаил Бакеров, Губер Александр, Петру Чернышова, Сергей Александров.

Отряды запер, представляли также и пехоты, наши части начали решительный штурм Армавирца. Наступила ночь, но бой не прекратился.

Еще задолго до нашего наступления немцы выгнали всех жителей из Армавирца и превратили город в каменную крепость, вокруг которой оборонялись наперебой. Руины города выглядели ужасно дико. Каждый дом был превращен в дот, и разнородные дома были устланы сотни орудийных точек, искусно маскировались снайперы.

Высоченная из подземелья гитлеровцев, гвардейцы генерала Палкина с нашими и солдаты генерала Кларкова с отрядами пехоты и пехоты превратились в горы. «Скатылись флажки немцев. В пещеру слезли» — это Армавир — последний последний смертельный удар немцев из Перекрестовых вершин — пал над наступающими и несомненно ударили наши отряды.

Бой был очень ожесточенным, но захватили на прибрежном укреплении и центре Перекрестовых вершин. — на флажки, на Турецкий вал, еще было отнесено доты. Немцы полагают, что наши войска начали атаку Турецкого вала одновременно с

атакой в центре, прямо в лоб. Но они грубо просчитались.

Атака Турецкого вала началась с флажка, только шла с южной стороны. Сами упрямые сопротивлялись немцы, бойцы генерала Александров начали продвижение к морю.

Наша пехота, смертельная была нападением. Немцы темноватые выжили, сопротивлялись на валу с тех, чтобы ударить с них на флаг частями, призывая к Армавиру. Но немцы опять просчитались.

Наша пехота под шквальным огнем шла вперед, сотни разрывов слышно и нас окутывали дымом и доты пехоты. На походе, пехотинцы носили танки, и бойцы, призывая их бронею, стреляли немцы к берегу моря, которое уже выжилось немцы.

На одном из участков пути наступавшие пехотинцы преградили огонь из продолженного дота. Дот был разрушен еще в момент артиллерийского, но сейчас один из уцелевших дотиров остался. Немцы уже обстреливали из бойниц рогатки дотиров. Немцы начали. Два снайпера встали на броне танков, так же и под гранью ступ танк начал к доту. Бойцы уже забросали дотиров дотом гранатами. Немцы уже начали атаку. Путь к берегу был открыт.

Продвижение наших частей замедлилось, когда же море стало было немыслимо более километра. Немцы превратили гребень долины у дотиров в новую оборонительную линию. Наступавшие центральные и доты гитлеровцы отбили от нас. Командование приняло решение: стремительно прибить гребень долины

море и тем отрезать последний путь отхода немцев с Турецкого каза.

Непродождательный, но вечный огонь артиллерии обрушился на укрепленные позиции немцев на гребне холмов, возвышая их огневые точки. За огнем разлом артиллерии в атаку пошли пехотинцы. Недолгой была схватка на холмах. Сокрушив врага, наши бойцы вышли к побережью моря. Блестяще был осуществлен замысел командования. Немцы оказались отрезанными, единственным путем для их отхода было море. Этот они и хотели воспользоваться, бросившись к берегу, где находилось плавсредство. Наши бойцы били немцев на подходе к берегу, топили на море отплывавшие лодки противника.

К утру 9 апреля, в результате

не прекращающегося всю ночь боя, Турецкий каз полностью перешел в наши руки.

11 апреля на весь мир прозвучал слух сталинского приказа генералу армии Толбухину: «Войска 4 Украинского фронта, перейдя в наступление, прорвали сильно укрепленную оборону немцев на Перекопском перешейке, заняли город Армянск и, продвигаясь вглубь обороны противника на 20 километров, вышли к Ишуньским укрепленным позициям».

Тад, под могучими ударами наших войск, рухнула Перекопская твердыня немцев. В течение трех дней наши войска прорвали мощную крепостную оборону немцев на Перекопском перешейке на всю его глубину, нанесли врагу огромные потери в людской силе и технике.

ШТУРМ САПУН-ГОРЫ

7 мая 1946 года исполнилась вторая годовщина со дня штурма Сапун-горы. Этот штурм является решающей операцией последнего этапа Крымской кампании. Он завершился полным триумфом советского оружия. Падение Сапун-горы — этой ключевой крепости — сначала крушение всей немецкой обороны под Севастополем, которое привело к окончательному разгрому немцев в Крыму.

18 апреля 1944 года разбитые под Перекопом и Керчью части крымской группировки немцев отошли за мощные оборонительные рубежи Севастопольского укрепленного района. Перед частями 17 мекенной армии были поставлены задача — любой ценой удержаться на своей Севастопольской плацдарм. Немцы решили отстояться на северономненских ободах и скопить на этом участке крупные силы советских войск. Цели немецкого командования были ясно изложены в приказе командующего 17 армией генерала Клене от 24 апреля 1944 года:

«Все то, что противник бросит на Крым, может участвовать в наступлении Советов против Запада и против сердца Румынии. Наш десант здесь не может быть отступлением. Перед нами — победа, позади нас смерть. Мы будем находиться на этом решающем участке галатской борьбы столько времени, сколько нам прикажет фюрер».

На что надеялись немцы, пытались осуществить свои замыслы?

Они рассчитывали, прежде всего, на неприступность северономненской твердыни.

Главный рубеж обороны немцев состоял в себе весьма сильные естественные позиции и мощные инженерные сооружения. Основу обороны противника составляла цепь кремнистых гор и высот, охватывающих полуостров подступы к Севастополю с суши. Мекенные горы, Сахарная Голова, Феликсовые высоты, Сапун-гора, гора Горняк и прилегающие к ним гряды безжизненных высот — это созданный самой природой и усиленный сталью и бетоном оборонительный пояс. Оборона противника здесь была долговременной и имела многополосный характер. Немцы глубоко эшелонировали ее. Они обновили старые и построили новые укрепления.

Ключевой позицией обороны немцев под Севастополем была Сапун-гора — скалистое безлесное плато, протянувшееся юго-восточнее Севастополя, примерно на полпути от Балаклавы. Крутые скаты горы обращены к стороне наступающих войск. Ее отроги, подобно каменному щиту, загораются к морю. Гора господствует над всей окружающей местностью. Она возвышается над бастином, ограждающим пути в Инкерманскую долину, к Севастополю и бухтам мыса Вес. Скаты Сапун-горы

ют крутизнами в 40—50 градусов и являются прекрасной преградой для танков. С вершины горы и соседних безымянных высот противник имел возможность просматривать и контролировать все подступы и переднему краю своей обороны и наблюдать расхождение наступающих войск на отдельных участках до 10—12 километров. В то же время Салу-гора и соседние высоты широким глубоким оборонным противником, его пути подхода от наблюдения со стороны наших войск.

Салу-гора — это естественная крепость. Поэтому немцы не захватили ни сил, ни средств для того, чтобы до предела ее укрепить. На Салу-горе имелось сооружение полевого и радиотехнического типа, расположенные другам. Но ее восточным скатах проводил основной оборонительный рубеж противника глубиной до 4 километров. У подножья горы тянулась одна линия траншей, велед за ней — через несколько сотен метров вверх — вторая и у самого гребня горы — третья. Система траншей, открытых в холмистый профиль и соединенных многочисленными долами сообщениями, были до предела насыщены огненным средством. Пожмы пулеметных и артиллерийских точек, на один километр фронта здесь приходилось в среднем 6—8 дотов. Доты были сооружены из железобетонных балок, из металлических конструкций, а некоторые из них были высечены прямо в скалах. В них укрывались тяжелые и легкие орудия, пулеметы. Доты, прытые в землю, доты, высеченные в отвесных уступах горы, доты над навесными скалами, огневые точки и расщелины скал — все это скелета покрывала плот-

ным многослойным огнем подступы и возвышенности, расположенные вокруг. Свыше 60 огневых точек, разноразличных возвышенностей, разноразличных гребней горы, было засечено на ее восточных скатах нашей артиллерийской разведкой. Здесь немцы имели сотни орудий. На каждые полметра немецких солдат приходилось 15 пулеметов. Врага здесь защищали сажен, насыщенный толща пороха, для разрушения которой требуется прямое попадание тяжелого снаряда или бомбы.

На всем протяжении передний край пехотной обороны и подступы к нему были заминированы и прикрыты проволоками заграждениями в 2—3 ряда. Угол сопротивления на самой Салу-горе находился в огневой секции с узлами обороны на горе Сатарная Голонка, горе Горган и безымянных высотах западнее селения Казыновка.

Опиравшиеся на лощину оборону немцы расплачивались здесь крупными силами. В конце апреля немцы прекратили начатую большую наступательную своих войск в Салатовольского плацдарма и стали перебрасывать сюда большие подкрепления из Румынии. К 7 мая противник имел под Салатовольск более 72 тысяч солдат и офицеров. Значительная часть этих сил была сосредоточена в районе Салу-горы, где были установлены наиболее устойчивые немецкие части, в то время как румынские подразделения находились в резерве.

Немецкое командование было уверено в том, что Салу-гора и другие крепости Салатовольского укрепленного района устоят

дня. Бойцы помнили о том, как здесь 250 дней выстояла беспримерная гитлеровский генерал фон Манштейн, который вывел через эти же высоты 300 000 солдат и офицеров своей отборной армии, но не мог взять их изнутри. Дескать тысяч фашистов вылезли тогда свой поперек на выступках к Санун-горе, а ни один из них не сумел добраться до ее вершины, пока гору штурмовали советские солдаты и воины.

Видный памятник на Санун-горе имеет свою историю, каждый знает сухой шлепачетой земли на ее склонах ухаживают полки кровью русских героев. Это знаменитые камни осенены душой моряков и солдат Ильяхова и Баранова. На них повисла себя бесмертной славы земли Красной Армии и моряки Черноморского флота. Санун-гора стоит как безмолвный свидетель двух героических оборон Севастополя. В наших окопах, в впадинах дitches, на склонах горы сохранились насечки на камне и выжженные на дереве названия тех, кто в грозные дни войны Севастополю стоил посмертно и держал этот предпоследний рубеж Севастопольской обороны.

Сталинградцы и впрямую, которые пришли сюда в апреле 1944 года, знали, что Санун-гора была неприступной крепостью, когда ее штурмовали патроны нашей Родины. Но они знали также, что эта крепость должна быть и будет взята, если на севастопольские обочины заступит и войная, как и выжженному, разбитый фашистской горы. К этому знали сиверские камни города-героя, или которого было в отиди у всех на устах. К Севастополю была устремлены все

чаинки и мечты наших воинов. Слово «Севастополь» стало огнем сердца, горело в каждой солдатской груди. Девиз «Даешь Севастополь!» был начертан на лафетах орудий, на бортах танков, на фюзеляжах самолетов, на табличках машин. Эти слова выжжены на камнях по обочинам фронтальных дорог. Они читались пешеходами на боевых знаменах знамен и полках Лагунова «Даешь Севастополь!» начинались листочки и боевые листки, на напечатанных речи на просокоярских митингах и в клетины места на могилках погибших героев.

К могилам героев Севастополя перуносили их боевые товарищи. Тогда двадцать два месяца жила, жила город, она унесла в себя перуносную клизму—стиснула подмычку врагу и вырвала из его рук черноморскую тюрьму. Теперь она пришла выжидать эту клизму. Она знала, что пришла время освободить Севастополь, и никакая сила не могла их удержать. Всего этого не могла и не могла понять туго и измученно немощно генералы, полковники на неприступности своих укреплений и дивизионные жертвы хитрый да своим последним опору на крымской земле.

Прорвать колючую оборону противника с той была невозможна. Поэтому наступление войск 4 Украинского фронта и Отдельной Приморской армии, май 18 апреля с главного рубежа обороны немцев, приступили к подготавливанию Санун-горы в соединении укреплений высот. В том подготовили наши войска проводили частные операции, проводились немецкую оборону, улучшали свое тактическое положение. На отдельных участках наши части

постепенно выражались в оборону противника. Многие иштурмовые группы включались вступительные и кульминационные точки боя.

Кроме разведки боем, чаще выполнявшие организационно-разведку задачи, артиллерийская разведка была, главным образом, путем наблюдения наблюдателя, так как неблагоприятные атмосферные условия почти исключали возможность успешных действий корректировочной и разведывательной авиации.

К началу штурма планирование наших войск, в условиях гористости местности и ограниченного количества дорог, велось по основным линиям нашей артиллерии большого калибра, которые достаточно качественно обеспечивали. Полнота замысла артиллерийской намеренности главного удара достигла огромной силы. В операциях применяли участки оружия самых различных калибров и систем. В наиболее важных районах были сосредоточены главные силы бомбардировочной и штурмовой авиации. Одновременно планирование произошло перегруппировки войск.

По началу нашего планирования главный удар при прорыве основного оборонительного рубежа несли командир полка Отделной Инженерной Жарина, а также и систем 4 Угрозного фронта. Они выступали на участке Салуи-гора — берег моря. Главный удар был нанесен в район Салуи-горы с юго-запада. Это направление считалось основным силой армии в районе, овладение которого отнеслось к главным силам противника от Селестини и дало ему возможность наступать свой полк.

Части, которым предстояло действовать на направлении глав-

ного удара и иштурмовать Салуи-гору, тщательно готовились к этому на местности, планировавшей по характеру ту, где укрепился враг. В батальонах создавались иштурмовые группы, способные самостоятельно наносить разрывы глубоко удары по отдаленным опорным пунктам вражеской обороны, бастионам и уничтожать доты. Иштурмовые группы получали в свои боевые порядки оружия, которые должны были вправу палочкой бить по амбразурам дотов и огненным точкам, скотам и паликам.

Многие части, принимавшие иштурмовать Салуи-гору, вели за собой опыт войны на Северном Кавказе. Этот опыт считался как великая ценность. В частности, из этого опыта было известно, что для парирования удара иштурмовых групп на сильно укрепленной горной местности очень важно своевременно выявить в действие резервы. Боювые порывы наступающих полков палочкой строились, планировались. Непосредственно в боях порывов порывов наступающих частей должны действовать оружие против палочкой входить до больших калибров. Все это было убито и уничтожено при подготовке к штурму Салуи-горы и блестяще применено в ходе самого штурма.

Подготовка к операции в штабах частей и соединений заключалась также в строгой координации действий всех родов войск, отработка четкого взаимодействия. Хорошо организованное взаимодействие палочкой, артиллерии и других родов войск, продемонстрированное и боем за овладение Салуи-горой, было одним из глав-

нейших условий, обеспечивших успех штурма.

Первостепенную роль играло политическое обеспечение подготовки к штурму. Выполнение боевой задачи требовало от каждого воина предельного напряжения всех моральных и физических сил, высокого наступательного морая. Политорганы, партийные и комсомольские организации не позволяли для наращивания наступательного морая whatsoever арсенал политической агитации в бою, всеми доступными формами и методами готовили бойцов к штурму. Беседы политработников и агитаторов, кланье листы за погибших героев, листовки-«летучки» — «Прощай тышарниц», «Даше Севастополь», «Телестрачки-молнии», обращения и поздравительные телеграммы командования — все это использовалось для мобилизации бойцов, сержантов и офицеров на дерзкие, решительные действия на разграну врага.

Широкое приращение в политической работе накануне штурма Сангун-горы дали беседы бывших воинов, участников севастьянских традиционных оборон. о героических традициях Севастополя. В Н-ском гвардейском полку яркие, зажигательные беседы проводил, например, ротный агитатор гвардии сержант Конталов. Собрав вокруг себя группу бойцов и воинов или под скалой, Конталов под грохот оружейной перестрелки рассказывал им о своем боевом пути, о том, как он сражался в 1941—42 годах под Мессенджирскими горами. Раненый, он четыре раза ходил в тышарницки и контратаки, а когда после второго ранения его эвакуировали, послался снова быть в Севастополе. Ноан из госпитализ

и другую часть, Конталов драматизировал в улицах Новороссийска, освобождал Тамань, участвовал в Керченском десанте. Катер, переименованный Конталовым через пролив, был потоплен вражеской снарядом, и остаток пути до берега сержанту пришлось преодолеть вплавь. Потом, предприняв вылазку в ледяной воде, он шел в атаку на скалистые сопки. Долбил оковы в тышарной, как камень, земле и снова шел в атаку, пробивал путь к Севастополю. «Теперь и снова стою у Севастополя», — говорил он. — На одного лежачего несли вынести отсюда живым. Его надо убить здесь».

Таких, как Конталов, пламенных большевистских агитаторов, были тысячи — и те, кто сражался раньше в Севастополе, и те, кто никогда не был в нем. Их страстно, выжидательные слова поднимали бойцов на подвиг. Коммунисты-агитаторы не раз в тяжелые минуты боя увлекали за собой бойцов личным примером мужества. Потому их агитация была доходчивой и убедительной, их любили бойцы. В Н-ской проименованной стрелковой дивизии во время боевой разведки на подступах к Сангун-горе героически погиб ротный агитатор Мустафа Намедов. Или санжиструтора Махедова был широко известен в частях. Отважный сын азербайджанского народа вынес с поля боя 165 ранений. Его грудь украшали ордена Красного Знамени и Славы. Салам смерти Махедова стало агитационным фактором. Бойцы роты, где служил Махедов, писали полнокровные кланье письма с призывом отомстить жестоко убиенным за смерть любимого командира-героя. Политотдел дивизии из-

дал текст этого письма и тридцати экземплярах. На каждом экземпляре был наклеен фотоснимок с партийным портретом. Письмо зачитывалось во всех подразделениях, в сотни бойцов крепились боевую кличку своим полководцам.

В подразделениях этой же дивизии ежедневно выпускались листовки «Дзень Севастополь». Они коротко рассказывали о наиболее ярких боевых эпизодах дня, популяризировали героев. Эти листовки передавались по цепи от бойца к бойцу, переносились из окопа в окоп. Часто в листовках помещались письма раненых героев, поступившие на медсанбатов и госпитали. В И-ской части был тяжело ранен в одном из боев лучший снайпер старший сержант Калинин Зайнутдинов, вехший на своем боевом счету 240 истребленных фашистов. Подружкинки наделили раненого война и медсанбате и помогли ему написать письмо к бойцам части. «Дорогие друзья, — писал Зайнутдинов, — Очень желаю, что не могу быть вместе с вами в строю и уничтожить фашистский гарн. Уверен, что скоро героический Севастополь будет нашим. Прощайте бесновато прожить и уничтожить немцев и уничтожить самую широкую дивизию». Это письмо стало достоянием всех бойцов. Текст его был размножен, рассказан и подразделения и опубликован в дивизионной газете.

С огромным интересом постигали бойцы и офицеры первомайский сталинский приказ, призывавший войнам Красной Армии к решительным и умелым действиям во разгрому врага. На митингах войнам давали кличку с четко выделенной задачей, поставленную

товарищем Сталиным. Общее чувство всех хорошо выразил командир роты И-ской части лейтенант Владимиренко, участник обороны Севастополя. «За Севастополь мы должны драться насмерть, — сказал он своим бойцам. — К этому зовут нас великий Сталин. Вся наша Родина идет от нас впереди».

Наступательный дух войны был исключительно высок. Все в ветеранском лагере приказа к решительным наступлениям. И вот, наконец, он пришел — долгожданный день 7 мая 1944 года.

Утром началось генеральное наступление наших войск. В течение полутора часов длилось интенсивная артиллерийская подготовка. Одновременно по вражеским укреплениям был нанесен авиационный удар. На Саун-гору обрушился мощный огонь артиллерийского огня, десятки тонн бомб. Дрожала земля от разрывов, переверчивалась и раскалывалась и пыль камня, и вместе с камнем поднималась на воздух обломки немецких укреплений.

Были созданы — сталинградцы рассказывали потом, что даже под Сталинградом они не видели такого удара артиллерии и авиации, какой обрушился на Саун-гору. Капалось, что горю рыхлелось из земли, неслыханный огонь и сталью. На всей площади плоской вершины горы и на ее каменных стенах за несколько часов было перебито с земли и раздробленным камнем, выдвинуто на воздух, сбито и разбито почти все, что в течение двух лет стояло на земле и в воздухе.

Штурм Саун-горы начался одновременно с двух направлений,

На правом фланге и в центре, с востока, из штурм горы шла войска генерал-лейтенанта Крейзера; на левом фланге, с юго-за-

пада югом, в роты сбросили боевые танки, сосредоточились пехотные. Бойцы шлеп с собой немецкие машины, колесными гонимы

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОКУПАНТАМ!

ДА ЕШЬ СЕВАСТОПОЛЬ!

7 мая

1944 г. ПЕЧАТНОЕ И КОПИРНОЕ
ГОЗ. СЕДЛО

ВПЕРЕД, НА РЕШАЮЩИЙ ШТУРМ!

Краснознаменцы! В решающей битве за Крым
завоем славу героев!

Вперед, наши гордо-герой. Севастополю!
Великий Сталин приказом
использовать нам плечистые немужих
активных, заслуживших в Севастополе
с честью выдержать и пружинку любви
Сталина, добрым нашим. Добрым подарком
- освободили Севастополь - первую
морскую базу на Черном море.

Мы прощали не малым боевой труд
много подвигов совершили, наши
бойцы и офицеры. Наши знамена
овладели немеркнувшей славою победы.

Гордо выстою сущим, немысловым
нашим. Наша звития награждена высотой
наградой - орденом "Красное знамя".
Мы наградили товарищам, этой великой
наградой! С честью оправдали се!

Постановка "Матрица", осуществлена в Пскове Басильевым
в день штурма Севастополя

стали, выдвинул удар командир
штурма генерал-лейтенанта Колоса.
Штурмовые группы стали

также, выдвинул их в битву
выдвинул в битву и танки.
Другие бойцы тонули на ружьях и

горы мунка. Когда бойцы вышли на вторую линию траншей, немцы открыли огонь из всех укреплений, дотов и из раскатных орудий. Вот тут-то и начали работу артиллерийской бригады немцев. С ходу разогнали орудия, артиллеристы выжили в уюте разбросавшиеся пре-

грады путь нашей пехоте. Штурмовая группа старшего сержанта Смиркина получила задачу уничтожить дот. Бойцы, перелезая по-пластунски, обогнули левую окон. Старший сержант Смиркин поднялся к доту и метнулся в его амбразуру с целью пре-

Артиллерийская подготовка штурма Сапун-горы

доставке основных точек. Расчеты разместились в траншеях, гребенках и между дотами, уничтожая засилье в этих местах. Но раз дело делалось до уничтожения сканов.

Напряженно бой не ослабевало на всем пути от подножья до гребня горы. Голые немцы прицелились сержантскими сержантами, не сдвинувшись с места, а лишь дала точка, когда дальнейшие сопротивления становились бесполезными. Каждый метр горы наши бойцы брали в бой. То здесь, то там открывали огонь сержанты, выходящие основные точки. Но все попытки немцев остановить наступавших разбивались о безжалостный германский огонь немцев, неподвижный на их позиции, выходящие из укрытий.

Одна из точек артиллерии пре-

доставляла гранаты. А в это время сержанты захватили точку из дотов в траншеях. Германская точка была уничтожена. Наши войска вошли вперед.

В первом ряду героев, штурмовых Сапун-горы, были артиллеристы батальона старшего лейтенанта Филиппова. Они бесстрашно выносили снаряды весом до 100—150 килограммов и выносили точки огня и уничтожали их сержанты артиллерии. Орудийный расчет сержанта Мирон Мамедова уничтожил тысячу метров сержантских точек.

Во второй колонне шла войска генерала Хольмста и генерала Крейнера окладывали левую оконку траншей на Сапун-горе. К этому времени части Крымской армии, наступавшие на левую фланг, армия обороны претис-

разбитых орудий, остатки разрушенных домов оказались занесенными сапками и землями. Толстые стены бетонных домов, бранные укрепления, уже несли — почти не выдержавшие от гибели. Мощь крепости, на которую так надежались немцы, была сломана в течение одного дня.

Штурм Сапуш-горы прекратился в последний момент почти полным. Даже для павших в боях немцев не был серьезным испытанием из мушкетера, неминуемо унесен в неизвестности. Об этом просто сказал один из участников штурма — русский Алексей Васильевич после того, как наша войска появилась в Сепастополе: «Есть у меня такая вера, что нет теперь такого места на на немец-

кой земле, на где-нибудь с нами рядом, чтобы мы его неслим, чтобы не неслим».

Войска, штурмовавшие Сапуш-гору и окрестности Сепастополя, с честью прошли свои боевые задания на рубеже нашей Родины. Они прошли путь из Берлина до Дуная, на берег Восточной Пруссии. Многие участники штурма сепастопольской твердыни были среди тех, кому довелось в первом сражении освободить Сепастополь и поднять знамя Победы над Берлином. Символы доблести германских участников великого штурма нечем будет служить наместник. Силою, подлинный на Сапуш-горе.

нина, повлиялись по второй оборонительной рубеж в районе важного ула немецкой обороны — горы Горнал, заняв истинно укрепленную гору Кав-Бам. Немцы, оборонявшие Санун-гору, оказались под угрозой обхода. Эти немецкие немецкую оборону. Но отсталые части их обороны продолжали сопротивляться.

Ночью, однако, уже не могло оставаться никуда бойцов. Они остались вперёд. Пулемётчик Н-ский старейшей пехоты Василий Липинский, раненый, продолжал ползти вперёд, таща за собой пулемёт. Рядовой Машкович после тяжелого ранения вперёд отстал, покинуть поле боя. Он попросил товарищей, чтобы они довели его до гребня горы и показали Севостополь. «Хочу увидеть город, увидеть, что и дошёл до него», — сказал он.

Третья линия траншей была у самого гребня. К ней ползли по-пластунски, на каждом метре были бой, выжили немцы из дотов, из каменных пещер. «Зубами прямо за камень закрепились, на лопатки ползли. Как выжили на вершину Санун-горы — не знаю», — рассказывал после итурья боец Василий. Кривые стрелковые снаряды доты, вершины были отключены все бойцы итурьявские горы. Каждая рота несла с собой флаг, который несли прямо поднимать на гребень горы ты, кто перешёл за эту гору. И тогда на гребень почти в одно и то же время взошли много флагов, ты кто выжили, ты не одна, а много рот завоевали такое право. В числе первых поднялись на вершину Санун-горы и в 18 часов 30 минут подружили над ней красное знамя бойцы батальона

капитана Шилова, с ходу захватившие вторую и третью траншеи. Эта честь выпала на долю пулемётчика Кузана Москаленко. Он сражался на Санун-горе в 1941—42 годах, а во время итурья 7 мая 1944 года уничтожил здесь до 30 немецких солдат и офицеров.

К исходу дня, после упорного десятичасового итурья, наша войска полностью овладели гребнем Санун-горы, а на следующий день очистили от врага её западные скаты. С захватом Санун-горы немецкая оборона была прорвана на главном направлении. Войска 4 Украинского фронта и Отдельной Приморской армии устремились к Севостополью.

Успеху итурья Санун-горы способствовал маневр войск Приморской армии, которые, прорвав оборону противника южнее Санун-горы и овладев горой Горнал, поставили под угрозу обхода главные силы немцев. Когда через несколько дней нашими войсками был взят и плен немецкий генерал-лейтенант Беме, он показал, что в окрестностях Санун-горы «основную роль сыграли русские войска, действовавшие южнее Санун-горы».

При итурье Санун-горы офицеры всех родов войск показали блестящие умения маневрировать и удерживать перемещения на поле боя, а бойцы проявили образцы доблести и высокую боевую выучку. Здесь была ярко продемонстрирована мощь перво-классной боевой техники Красной Армии. После итурья через главные бойцов пролетали громкие следы работы нашей артиллерии и авиации. Трехкิโลметровые склоны горы были разорты морскими снарядами и бомб. Стимулы

ПОДПОЛЬЩИКИ

Из книги „В Крымском подполье“

Среди боевых товарищей, которых я нашел в Симферополе, выдающееся место занимала Александра Андреевна Волошинова, ее кличка «Муга», и Виктор Кириллович Ефремов, — «Хрен».

«Муга» была стройная матрона среднего роста, с худым сухим лицом и длинными густыми глазами. В черном илиновом пальто, в высокой бархатной шапочке, из-под которой свисались красивые локоны, она по внешнему виду производила впечатление кокетливой дамы средних лет, скрывающей за собой и желающей нравиться. Беседуя с ней о наших делах, я все более и более убеждался, что эта женщина обладает подлинным матронным умом, большим maternal сердцем, чутким и отзывчивым к другим. Поднимаясь к ней.

Она родилась в 1900 году в городе Феодосии, в семье железнодорожного работника. Закончив в четырехлетнем возрасте школу родителей, она жила у родственников в тяжелой обстановке и большой нужде. Книжки и балет девочки, она любила природу и выдвигалась своими способностями среди подружек. Беспризорность и нужда рано заставили ее думать о будущем хлебе. Она поступила в частную женскую швейную школу в Симферополе, изучала шитье и вышивать. В 1920 году она вышла замуж за преподавателя гео-

Александра Андреевна Волошинова

графа Иван Михайлович Волошинов, который был старше ее на двадцать лет. Через год у них родился сын Леонид, которого она страстно любила; воспитание его она уделяла много внимания.

Будучи человеком беспристрастно образованным, обладающим интеллектуальными качествами, Иван Михайлович вскружил свою вихревую голову женой и ребенком, сделался ее другом и учителем. Он заинтересовал ее своими широкими знаниями природы Крыма и долгожданно и естественно историческим

наук. В доме у них была богатая библиотека художественной литературы, научных трудов и учебников по естествознанию, географии, астрономии и биологии. Александра Андреевна с жадностью набрасывалась на книги. Она изучает географию, учится рисовать, занимается музыкой, театром и физкультурой. Вступает в общество proletарского туризма, где активно работает ее муж, и вскоре становится экскурсоводом по южному берегу Крыма. Она отдается этому делу с большим увлечением и любовью и приобретает популярность опытного и умелого экскурсовода, много и увлекательно проводит экскурсии.

Одновременно она преподаёт физику в школе №33. На 16. увлекается театром, пишет небольшие пьесы для детских утренников и проводит большую воспитательную работу с дошкольниками.

Ее горячая, энергичная, любознательная натура требовала, однако, более углубленных знаний. С помощью мужа она приобретает знания в объеме средней школы и поступает в Крымский педагогический институт имени Фрунзе на вечернее отделение естественного факультета. В 1937 году заканчивает естественный факультет, получает диплом высшей школы. Но и это ее не удовлетворяет. В том же году она поступает на географический факультет этого же института, отлично заканчивает его и получает второй диплом.

С 1938 г. по 1941 г. она работает преподавателем географии в 10-й школе и пользуется большой популярностью. При школе она организовала богатый географический кабинет, лучший в городе. В ее географическом кабинете, кото-

рый был самым интересным и многолюдным в школе, учащиеся узнавали много нового и интересного о своем крае.

Каждая зная у нее география. Не прерывая работу в школе, она поступает в вечерний университет марксизма-ленинизма и, страстно увлекаясь марксистской литературой, философией, изучает труды классиков марксизма.

Но вот началась Великая Отечественная война. Родина и опасность. Семья Волошинских с первых же дней войны включается в активную борьбу против немецких оккупационных властей. Сын Леонид, 20-летний юноша, оставляет третий курс педагогического института и уходит добровольцем на фронт. Александру Андреевну запикивает с и парадное оповещение, поступает на курсы медсестер с тем, чтобы по окончании их уйти на фронт; она желает попасть в одну часть со своим сыном.

В октябре 1941 г. она окончила курсы медсестер и работает в военном госпитале, но оставила занятия в школе.

Начальник госпиталя обещает, в случае эвакуации, забрать Александру Андреевну с тяжело больным мужем.

В последний момент ей сказали в госпитале, что из-за недостатка транспорта забрать их не могут. Волошинские застревают в Крыму.

Безысходное горе схватило Александру Андреевну. Она никогда не покидала из дому, с тоской глядела в окно на шоссе, где злились гордые фигуры неманских «гостей» и возмущалась вид и шорох закрытые немецкие автомобили.

Она страдала за своим поруганную Родину и плакала от тоски по своему горючо любимому сыну, с которым у нее порывался,

Вскоре в квартире Волошиных поселились нужда и холод. Иван Михайлович, скрыв свою специальность педагога, стал рисовать виды Крыма, раскрашивать коробочки и продавать их на базаре.

Временная моральная подавленность и растерянность скоро сменяются у Александры Андреевны решимостью и твердым желанием бороться с врагом. Она начинает группировать вокруг себя своих друзей-единомышленников. У одной из ее знакомых стоял на квартире немец, у которого имелся радиоприемник. В часы, когда немец уходил, Александра Андреевна пробиралась в его квартиру и слушала Москву. Дома она записывала «Вести с Родины», читала их своим друзьям.

В конце 1942 года из лагеря военнопленных бежал ее бывший ученик Толя Досычев. Она помогает ему достать паспорт, устраивает его студентом зуборачебной школы и с его помощью организует в школе подпольную группу из молодежи, куда входят, кроме Досычева, Игорь Карамаринков, Алексей Серойнозевкин, Вера Гойко.

Одновременно она объединяет вокруг себя советских патриотов из интеллигенции, знакомых педагогов: Нахому, Щербину, Усову, Самарскую и других товарищей. С их помощью она распространяет листовки, которые сама пишет от руки, ведет агитационную работу среди населения и помогает нашим военнопленным.

Так, заметно для себя, Александра Андреевна превратилась в подпольщика-организатора.

Лишь в сентябре 1943 года ей удается установить связь со штабом Северного соединения партизан. Она получает задание и начинает работать военным развед-

чиком под кличкой «Муса», именем, которым называл ее когда-то, ласкаясь к ней, Ленин.

— И мнею указание помочь вам, — сказал я ей при первом свидании, — в чем вы нуждаетесь?

— Мне нужна помощь во всем, — живо ответила она. — Мы живем среди врагов, оторванные от Большой земли. В работе возникает много вопросов и трудностей, которых самой не разрешить, а посоветоваться не с кем.

— А разве штаб партизан не помогает вам в этом?

— Видите ли, товарищ Андрей, я нуждаюсь в непосредственном руководстве, а в лес попасть не легко. Ходила я туда несколько раз, блуждала, выбивалась из сил, один раз даже заболела, слегла, но партизан все же не находила. Наконец, я решила послать туда своего ученика Толю Досычева. Не знаю, помогло ли ему помочь, или посчастливилось ему больше, чем мне, но он партизан нашел и связал меня с ними. В середине октября за мной из штаба прислали проводника. Пошла с ним вот в этом направлении, в тыфляках на высоких каблуках. Шли ночью, переходили по козено речку, карабкались на гору. Я, хотя и туристка, но так устала ноги, что на обратном пути еле дошла до дому. А тут меня уже разыскивает директор школы, где я для отвода глаз устроилась учительницей. Пришлось достать справку от врача. Очень рада, что побывала в лесу, увидела наших руководителей, получила инструкции и познакомилась с жизнью партизан. Вот, действительно, герои! Хотелось побольше им помочь, но чистые эскурины к ним и, к сожалению, как видите, не могу себе позволить. От штаба ко мне сначала

приходил Телл, но он похоронил погу и отправлен на Большую землю. Теперь приходит другой сангвай, по кличке «Николай», но, знаете, очень неусланный. Выходит обнн в городе лениво-мысленно, шланствует, в я, откровенно говоря, боюсь с ним встретиться. Хочу просить штаб, чтобы его больше не присылали ко мне. Пожалуйста, поддержите мою просьбу.

— Хорошо, поддержку, — сказала я, — связь с лесом у меня имеется прочная. Можем без вашего спаяного обойтись.

— Отлично, очень рада.

— Сколько у нас людей, которые помогут нам в работе?

— Периодично, больше пятидесяти человек.

— Оформите их в патристическую группу, не более 5—7 человек в каждой, и назначьте руководителей. Здесь организуются подпольной горюки партии, и вы будете работать под его руководством. Мени знаете только вы. Связь со мной держите через «Нину». Есть у вас люди на железной дороге?

— Имеются. Я получила из лесу несколько мнн. Товарищи пеллого их использовали. Сейчас сидит без дела и ругает мени. Понимаете, товарищ Андрей, какой трагедия! — вскрикнула она запальчиво. — Есть очень ценные для противника составы с боеприпасами, горючим, продовольствием и многим другим. Заканает ярость, и рука пустые — действовать нечем.

— Ничего, потому горю жи по-моему. Кто эти товарищи на железной дороге? Хорошо проверены нами?

— Конечно. Стойкие и смелые люди. Выглядывают работу начальника станции товарищ Ефремов.

— Сведения о движении поездов они как дают?

— Дают каждый день, но сведения у меня записываются из-за плохой связи с лесом.

— Теперь записываться не будут. Приготовьте все, что у вас имеется, к позднему, утром встретитесь. О месте встречи сообщу вам.

— Хорошо. Все сделаю. Но как же с минами?

— Мин и вам для завтра вить штук для шланговой с боеприпасами и горючим.

В ее глазах вспыхнул радостный огонек.

— Вить мнн лучше, чем ничего, — проговорила она, — по это капля в море. На один — два дня работы. Дайте штук двадцать — тридцать, — будут веселые дела.

— Ну-у!

— Честное слово.

— Очень хорошо. Уточн вашу заявку, Александра Андреевна. По сейчас больше мнн вить не могу, вить штук получите через «Нину».

— Хорошо. Ефремов убедительно просит 3—4 бразунита или ТТ. В острый момент работы их необходимо оружие, иначе, чем они выкажут немца, если войдут.

— У меня есть мина, хотите?

— Мины ия пелзны вить. Они оттопыривают карманы, а работать ведь приходится ни кланх у иран.

— Это правильно. Немного пелзнять придется, загрому из лес.

Перед уходом она спросила:

— Как вы устроились тут? Может быть, помочь нам в чем нужно?

— Спасибо, устроился хорошо. Мне нужен паспортный, документы

подделывать. Но говорили, что был муж художки.

— Да, да, и не жидкой. Он полагает мне, но он с этим делом незнаком.

— Обучи, это тутка неслыханно.

— Тогда понаблюдай, он охотно согласится.

И тут же позвал Александра Андреевича, как нужно подделывать почку, снимать чернила. При нем она сама сделала пробу — и было хорошо.

— Вот значит так, — продолжал он с восторгом, — и так просто. Как жаль, что и этого раньше не знали, столько людей было спасти людей от гестапо.

Она ушла довольная.

* * *

Руководитель диверсионной группы саферинопольских железнодорожников Виктор Кириллович Ефремов через оккупацию Крыма начал работать заместителем начальника станции Саферинополь на технической части. Молодой, энергичный специалист, он был известен в кругу лучших людей Сталинской железной дороги.

Нашему приходу назначен в город Ефремов, оставшийся заместителем на месте до особого распоряжения, отпраздновал на Сепестинской площади из англоязычного языка, техникой и ценностями труда. Без устали работали в течение последних суток железнодорожники. На нас сразу уложили перерезать путь на Севастополь и район Алуш, и Ефремов возглавляет железное хозяйство с группой работников управляет пути, электромеханики и другие важные объекты.

Виктор Кириллович Ефремов

На станции еще получал повар, а поезда были уже на окраине города. Уходить на Саферинополь было поздно, и Ефремов остался в городе. Собираясь от «оккупации», он из дому не вынул и три десятка книг по работе.

24 января к Ефремову на квартиру пришли гестаповцы, забрали его документа и расстреляли. Сам он получил приказ явиться на работу. Кому угрожали расстрелом в случае неоплаченного рапортации, Ефремов задался. Главным упираться ему не хотелось. Ну что было идти назад из саферинопольского подразделения. «Хорошо, — думал он с гневной решимостью, — пойду работать и отработал так за все за «стацию», отработку своим работам делами был разгружен, за работу, отработку не убавил за все...»

Он пришел на станцию, назначенный заместителем начальника и получил направление на работу.

Вскоре у выходящих со станции Симферополь военных вышло много частенько стали загорать боксом вагоном, выходящая авария и задержки в движении.

Большое количество и частые аварии, ставшие постоянным явлением в работе станции, вызвали недовольство многих немецких властей. Приехали много начальников станции, младшего звена, но профессия мастера, которого работало на танковую поездку и прилавки провозили «кляузы». Ничего не понимая в работе железнодорожного транспорта и желая переложить себя от неприятностей со стороны русских рабочих, «кляузы» выступили на защиту. Увидя, что Ефремов — специалист, он вызвал его к себе и сказал:

— Назначай нас начальником станции.

— Это что, шутка нас? — удивленно спросил тот.

— Нет, — с английской гримасой проговорил «кляуза». — Об этом вам, русским, нужно думать. Управлять будем мы, немцы.

— А что же я должен делать?

— Вы будете русский начальник.

— Что это значит?

— Это значит, — проговорил надменно «кляуза», растопырил пальцы, — форсировать поезда, отгружать и принимать их, следить за вагонами и расформировать на станции буду я, а вы будете следить за работами русских рабочих и отвечать за них.

Ефремов разгадал секретную немца. «А-а, значит, вам нужен ассистент, наши руки нужны вам, значит? Хорошо...» — подумал он и твердо ответил:

— Я согласен.

«Кляуза», засунув руки в карманы, с высокомерной улыбкой кивнул ему головой.

Ефремов приступил к исполнению обязанностей «русского начальника» станции.

Прежде всего ему нужно было окружить себя преданными людьми. При разборе конфликтов с русскими рабочими, которыми занимался сам «кляуза», большое значение имел переводчик. На эту должность Ефремов устроил старшего советского педагога железнодорожной школы Надежду Семелову Усону.

— Вы мне очень нужны, — отбегав от нее просьбу устроить ее на место уборщицы. — Только не как уборщицу, а как переводчицу.

Надежда Семелова объяснила ему, что немецкая языком владеет слабо и совершенно не знает немецких терминов.

— Мне вовсе не нужны переводчицы, больше информации с немцами, — ответил ей Ефремов. — главное — надо понимать рабочих и работать вместе. На нас, старшего начальника немецкой школы, а могу полагаться. Это главное.

На должность начальника он принял только что и сиротную немецкую, сиротствующую от угонки в Германию, Екатерину Безденюю.

— Вы назначаете на профессора? Это очень хорошо. Манифестация нам очень нужна будет, но пока у нас нет еще химиков. Будем делать, что придется. Договорились? — быстро проговорил он.

— Договорились, — ответила та, чувствуя в этом «начальнике» и поначалу формальной железнодорожной куртке своего человека.

На работу назначивших он у-

трояк своего хорошего знакомого, члена партии, тихого и незаметного старика Андрея Андреевича Брайера, скрывавшего от немцев свою партийность и работу начальником станции Сирень.

15 июля из Багчисарайского лагеря военнопленных бежала с группой мориков молодая девушка поименованная Люда, участвовавшая в обороне Севастополя и в качестве медсестры военного поля и заочечника немцами в плен. Ее отец, капитан, в течение 25 лет работавший на железной дороге инжениром машиниста, лежал дома, но встания с постели. После бегства из лагеря Люда осталась без всяких документов и скрывалась у своих родителей. Ну как было где-то работать, куда-то пристроиться. Ей посоветовали поступить на железную дорогу — предприятие военного значения, откуда немцы не мобилизовали в Германию.

Она пошла к русскому начальнику станции. Люда думала встретить на этой работе похилого человека из «бывших людей» и была поражена, когда увидела Коремома — молодого человека, вполне среднего роста, хорошо сложенного, с открытым энергичным лицом. Светлые волосы, слегка волнистые, были аккуратно зачесаны на висок пробор. «Такой молодой, воспитанный советской властью и как будто силоватичный, служит немцам на такой ответственной должности», — подумала она влюбив. Красивая была ее красивое лицо, глаза засияли от счастья.

— Что нам нужно? — спросил Ефремов, внимательно глядя на девушку желтыми голубыми глазами.

— Мне нужна также-нибудь работа.

— Откуда вы?

— Из Севастополя, — назымно глядя на него, ответила она.

— Документы есть?

— Никаких документов у меня нет.

Ефремов внимательно слушал дерзкую девушку. Улыбка промелькнула по его лицу. Он понял, кто она, догадался, как она к нему относится, и прекратил расспросы. Переговорил с «камузом», и Люда начала работать переписчицей у немецкого начальника станции. Она получала удостоверение о работе, а затем и прехенный немецкий паспорт на жительство.

Через три месяца Люда, не выказывая во-время порученную ей работу, проинтрифовалась перед немецким начальником. Он выгнал ее с работы. Ей снова угрожало уйти в Германию. Пришлось опять обратиться к Ефремову, к которому она попрежнему пристрастно относилась и работала с ним нетретье.

Он внимательно выслушал ее и решил помочь ей. Посмотрев на то, что шло у Ефремова было замечено, он оставил Люду работать к своей сестре, без определенной должности.

— Там же не мешайте, — предупредил он ее. Люду тронуло такое отношение к ней со стороны Ефремова. Но она попрежнему не могла привыкнуть к его работой у немцев и уморенное проговорила:

— Немного, как вы можете слушать врагу?

Это замечание очень больно пошло Коремома. Он пристально взглянул на нее, вернее подглядел со стула, прилежал по снотате и оставившись против Люды, только проговорил:

— Вы принимаете меня не за того, кто я есть, — и, помолчав немного, как бы раздумывая, стоит ли с ней говорить откровенно, горько добавил, глядя на нее в упор: — Поужели вы думаете, что я, у которого немцы расстреляли жену, буду честно для них работать?

В тоне, которым сказавши были эти слова, Люда почувствовала глубокую душевную боль и застенчивую злобу. Она потеряла Ефремову и изменила свое отношение к нему. Они часто стали встречаться, откровенно беседовать. Она узнала, что Ефремов был честным советским патриотом. Он согласился работать на станции только ради того, чтобы помочь немцам. По многим фактам Люда убедилась, что у Ефремова слова не расходятся с делом. Общая ненависть и вражду и желание бороться с ним сближали их. Они подружались, немцы полюбили друг друга и поженялись.

Созревая жизнь, не изменила поведения Ефремова. Целыми днями он ходил по станции, якобы наблюдая за русскими рабочими, и делал вид, что не замечает, как те в укромных углах часами просиживали за разговорами, курением и вальяжно уклонялись от работы.

Он установил связь с врачом железнодорожной поликлиники и вскоре помогал на работу «по болезни» принять такой пассивный характер, что «кзюун» встретился. Он приказал всем больным, прежде чем идти в поликлинику, обращаться к нему для «освидетельствования».

Тогда Ефремов из-другому стал упрямить приказы и работах рабочих. Ежедневно в два часа дня

он являлся в «кзюун» с папкой в руках и передавал ему письменные донесения, что «все на работе, и больных нет».

Используя такую возможность для организации вредительства, он при разборе «кзюунов» дел на рабочих, возникавших в связи с авариями на дороге, так искусно подтасовывал факты, что виновники всегда оказывались или техническими неопытниками, или немецкий язык, который русские рабочие не понимали.

Большую помощь в этом деле Ефремову оказывала переводчица Усова, которая по его указаниям обещания рабочих переводила так, как это было выгодно для рабочих.

После долгих и утомительных разбирательств «кзюун», ничего не понимавший в работе транспорта, соглашался с доводами Ефремова, и виновные рабочие, вместе с тюрьмой, отбывали штрафное и несколько десятков жаров.

Свое внешнее спокойствие и корректное отношение к немцам Ефремов не всегда поддерживал. Особенно его приводило в бешенство частые обвинения немцами русских рабочих.

Однажды, увидев, как немцы избивали рабочего, он вбежал в кабинет «кзюуна» и, залпывая от негодования, обратился к находившейся там Усовой:

— Передайте ему, наши русские рабочие не знают, что такое больно, и переносить их не могут. А если русский клиент болен, то тут, пожалуйста, не поднимается. Пусть плачет об этом всем... Так и передайте, ничего не измените и не смягчайте!

Усова все же перевела скупное Ефремовича по делу, а

только общий смысл. Но «клоуны» по возбужденному лицу Ефремова сам понял, что тот говорил. Он презрительно посмотрел на русского начальника станции сверху вниз и холодно проворчал:

— Пусть сами русские привыкают быть почитаемыми к немцам. Кому-кому, а нам, начальнику, это нужно понимать и не забывать. Вы за них отвечаете.

Слушая «клоуна», Ефремов думал: «Да, да, я должен понимать, что и отвечать за русских рабочих. И отвечаю потому, что я русский. И это нужно и окончательно отметить...»

При встрече с Усовой он сказал ей:

— Мы имеем возможность сделать между больше невраждностей. Немцы только... Нужна связь с партизанами. У нас много дипломатов в городе. Может быть, вы сможете помочь мне...

Усова хорошо знала Волошиновых. С Иваном Михайловичем они долго работали в одной школе, а с Александрой Андреевной вместе проходили курсы медсестер и работали в госпитале перед занятием немцами Спирероде. Зная Волошиновых как презанных советских патриотов, она пошла к ним, откровенно рассказав о положении на железной дороге и о желании Ефремова установить связь с партизанами. «Мусе», которая искала связь с железнодорожниками, очень заинтересовалась Ефремовым и выжила ему спланировать.

Зайдя в кабинет к Ефремову, Усова сказала:

— Я могу вас познакомить с человеком, которого вы ищете.— и передала ему приглашение «Мусе».

Кое-посторонним рассказам о «Мусе» Ефремов отнесся критически, но согласился познакомиться с ней, не откладывая дела в дальний ящик. Вместе с Усовой он пошел к Волошиновым.

Поздно вечером он вернулся домой со свидания с «Мусей» довольный и веселый.

— Нашел то, что искал,— сказал он жене, выкладывая на стол четыре записные книжки.— Запечатленная женщина! Сразу предложила мне организовать диверсионную группу и отвечать за работу на станции. Дала вот эти четыре штуки и обещала дать их, сколько нам потребуется. Мне нравится такая женщина вполне. Без лишнего слов, прямо к делу.

Он взял одну книжку и начал внимательно ее осматривать. Глаза горели, руки дрожали от волнения.

— Мени предупредила «Муса», чтобы и не заходил на кухню,— сказал он жене.— Но я, наверное, так иду, что жена изорвется в моих руках.

Начали думать куда спрятать записные книжки. Ефремов взял книжки и пистолет, и шифрер, и сумку, и клонку, но тут же выкинул их обратно, так как все эти вещи оказались ненужными. Боялся, как бы это драгоценное оружие не попало в руки немцев, но предложил их предать.

— Самый надежный способ—это вот здесь,— сказал, смеясь, он, спрятал, наконец, книжки под свою подушку.

Неспокойно спалось ему и эту ночь. Он метался рано утром, вынул из-под подушки книжки, положил их в портфель и пошел к квартире Лиды, жившей недалеко от вокзала. Там он снял с окна подоконник, выдолбил под ним отверстие, бе-

режно уложил туда мины и поставил подношник на старое место.

Придя на работу, Ефремов составил план станции со всеми объектами и с Людой отослал его Александру Андреевичу.

В тот же вечер он позвал к себе долой Леницкого и Лавриченко.

— Есть хорошие новости, друзья мои, — сказал он, усадив их за стол. — До сих пор мы врага только ксели, а теперь можем рвать его на части.

Леницкий, который к каждому делу относился весьма серьезно, обдумывал и записывал каждый свой шаг и действовал наверняка, слушал Ефремова молча, сосредоточенно выжидая, что тот скажет дальше.

Порывистый Лавриченко сразу загорелся интересом.

— Говори прямо, в чем дело, — прервал он Ефремова.

Тот показал им мину.

— Вот эта штука очень хорошо прилипает к вагонам. Нужно только выбрать подходящий вагон с боковыми. Через три часа получится красивое зрелище.

— Наказывай и исполняю, — сказал Лавриченко, лукаво поглядывая на него, — мы можем помешать немцам расходовать снаряды.

— И горючее и цистерны, — добавил Ефремов и продолжал: — Помните, каждый взрывчатый вагон, каждый час задержки движения, каждый убитый фашист облегчает положение наших бойцов на фронте.

— Понятно, — просоморил Лавриченко, — спуску не давай.

Леницкий взял мину и начал осматривать ее со всех сторон. Маленький черный предмет, выжи-

жий на бркетик угла, вызывал его удивление.

— Нужели от такой маленькой штучки может взорваться весь вагон? — спросил он у Ефремова.

— Сама мина дает небольшой взрыв, — пояснил тот, — но от него взрываются снаряды, загорается горючее, и пламя быстро охватывает весь состав.

— Будь лучше ее закладывай, — спросил Лавриченко, — и хвост, и середину или в голову укладона?

— Это обдумать нужно, — проговорил Леницкий. — Если положить в хвост, немцы могут отценить горящие вагоны и угнать остальной состав. Такая же история может случиться, если положить мину в головной вагон. По-хорошему, надежнее закладывать на каждый состав по две мины: одну в голову, другую в середину состава. Палнут снаряды в середине, загорится и хвост, а отценить они не успеют.

— Соображение дельное, — согласился Ефремов, — так и делайте.

— Прилепить к вагону мины тоже не совсем надежно, — сказал Лавриченко, — может осмотрщик заметить. Лучше залезать в вагоны и класть мины прямо в боковые, надежнее будет.

— Значит, — сказал Леницкий, — нужно нам вдвоем это делать. Один в вагоне работает, и другой у вагона за сторожа.

— А мы в разных сменах работаем, — заметил Лавриченко, — как быть?

— Это пустяки, — сказал Ефремов, — я вас переведу и одну смену.

Они договорились о сигналах во время операций. Ефремов установил всем ключки.

— Жена дражит меня старым хреном, — сказал он, смеясь, — пусть я буду «Хреном». Ты, Лавришенко, как мастер и локти загибаться, будешь, а затысь «Кошкой». А тебя как назвать? — обратился он к Лавицкому.

— А мне все равно, — ответил тот. — Называйте «Мотя».

— Хорошо, договорились, — проговорил Ефремов, вставая. Он дал им карбидный фонарик, две лампы с трехчасовой дистанцией и показал, как с ними обращаться и заряжать.

1 ноября вечером на станции гудели из отправки боксальной состав с боеприпасами. «Кошка» и «Мотя» работали уже вместе в ночной смене и сидели за погрузкой мешками в вагоны сварочной и паяльной. «Хрен» вышел из своего кабинета, обошел эшелон и, проходя мимо «Кошки», шепнул ему:

— Хлебное дело, изрыжайте.

— Не выластим, — ответил тот. — Итушка под вытинком, наготове.

«Хрен» ушел, а «Кошка» и «Мотя», крутясь около эшелона, ждали удобного момента. Поезд-часовой пришел мимо них к переезду. «Кошка» уперся носом эшелон и с другой стороны быстро забрался в лок вагонов, шаркая лампу и сдвинул ее перед собой, чтобы справиться. Ждал сигнала, чтобы вылезти из вагона. Но получившая задержка. В третьем «Мотя» услышалась работа часового. Он стал ближе к поезду и нажал свет. Фонарик встал в лок, лампа отняла пошты, что тут жужжающе-жужжало. Долга он, что он осматривает путь, два раза стукнул по рельсу. Это означало: «опасно, не идите».

Поезд подошел к «Моте»,

что-то спросил и вместе с ним стал осматривать путь.

— Гут, гут, — спокойно проговорил «Мотя», указывая на рельсы.

— Яволь, яволь, гут! — с довольным видом, кивая головой, проговорил немец и шагнул дальше.

Когда шаги часового затихли, «Мотя» тихо стукнул три раза, давая знать другу: «можно вылезать».

«Кошка» выскочил на землю. От среднего вагона они перешли к головному, и «Кошка» таким же порядком залезла и шаркая вторую лампу.

«Хрен», возвратившись в свой кабинет, с волнением ждал прихода друзей. Вошел «Кошка».

— Сделано все чисто, — проговорил он тихо, вытирая пот с лица и шеи.

— Хорошо, дружище, — сказал «Хрен», — будем ждать результатов. Идя на свое место и работай спокойно, как будто ничего не случилось.

После ухода «Кошки» «Хрен», оставшись один, с нетерпением ждал отправления поезда. Прошел час, другой, а поезд все стоял на месте. «Черт побери, — думал Ефремов, в первом возбуждении шалая по кабинету, — отчего не отирают? Если ламы испортились на станции, почему сразу бросили искать тут диверсантов?».

Прошло еще несколько томительных минут, и, наконец, эшелон тронулся на север, к Перекопу. «Хрен» облегченно вздохнул и не спеша пошел домой. Ночь была тихая, теплая. Придя домой, он сказал жене:

— Сегодня не будет спать, что-то должно быть.

14 ноября «Винка» и «Мета» подожгли линию в лагере с тридцатью баллонами кислорода и тридцатью бочками бензина. Врань провозвонел на станции Даманной на жесте выкружки. Ватин спирал.

15 ноября диверсанты подожгли линию в лагере с котловыми. На переезде Богемия — Винка взрывом был уничтожен этот вагон и, кроме того, два вагона с продовольствием для фронта.

16 ноября «Винка» подожгла линию в составе с бензином. На прелете Богемия — Винка провозвонел вагон и пожар. Скорее 8 вагонов с бензином.

В ту же ночь «Винка» и «Мета» подожгли вторую линию в лагере с крупнокалиберными снарядами. На станции Сейтлер на этот состав налетел один самолет и сбросил бомбы. Состав загорелся. Диверсанты были оштрафованы тем, что не удалось установить, почему же пожар в результате взрыва из линии, или от бомбы летчика.

17 ноября диверсанты заложили, как и в первый раз, две минны в средней и головной вагоны в поезд со снарядами и минами для минирования фронтовых дорог. Этот поезд выехал на воздух на переезде Киранкуут — Даманной. Было уничтожено 27 вагонов с минами и снарядами, всего 10 в вагонах 15 вагонов в руках. Даманная была закрыта на 12 часов.

На железной дороге на жесте взрыва вагоны поездов арестованные рабочие, но замученные были из немобильности. Было отмечено, что это случайные люди. Врань провозвонел на гудках вагонов часто и двух, и немобильность людей, немобильности в это время на жесте взрыва, была совершенно ясна.

Ночью мучились на хитрость. Диверсанты на фронт с боеприпасами

они начали формировать скрытно от русских. Составляли поезда с боеприпасами и горючим сели в вагоны; два — три вагона с немобильностями грузов и два — три вагона с боеприпасами, остальное немобильности грузовых и вагонов — пять со снарядами. Но эта хитрость врага тут же была отмечена «Хреном» и его помощниками.

Требуялось больше чин для уничтожения всего состава, а мин прислали из леса далеко.

Вся диверсионная группа была недовольна недостатком немобильных вагонов для диверсий, провалили немобильность в результате.

— «Хрен» опять неслеза измучен, — с горечью сказала «Мета» при встрече со мной. — Нам давайте, «Хрен» придет безучастно от ужаса. Нет, нечестно! Нет, нечестно! Нежелательно измученную группу. Нет, и моя сила прочитана. Может быть, станет в mine немобильно легче от того, что mine поручается.

На митинговом спорох палача она торжественно вытаскивала стержень из митинга тонкий клочок бумаги, немобильный желанный печатный буланы, надежда пенсия, порочности и с удирением начала читать:

«Диверсионные, дорогие товарищи!»

В митинговой митинговости в точку быть немобильности сержанца. Буху ругаться.

Начему коллективу абсолютное не правится такая работа. Если коллектив нежелает группу такой удар, чтобы не был действительно митинговителем. Итого мы как не дико жалеть. А вы обещали при немобильности сделать это. И в не точку слышать, что вы не можете провалить действительно палачество нам в точку, также как выд-

ны. Я несколько раз просил извешатели с трехчасовой дистанцией, но их получил всего два, и это даю огромный успех, о котором я вам уже сообщал».

— Это извеш на станции Кара-Бинт? — спросил я.

— Он самый, — ответила она и продолжила:

«Последнюю партию из четырех мин я получила с извешателями шестичасовой дистанции. Я такой работой крайне недоволен. Нам нужны канислы трехчасовые. С малой дистанцией канислы делают свое дело в нашем хорошо обозреваемом районе, и мы сможем дать точные сведения, что сделано. А с большой дистанцией эшелоны уходят далеко, и узнать результаты очень трудно. Две мины, ушедшие с пятнадцатью вагонами боеприпасов, взорвались на станции Ислам-Терек. Мы узнали лишь на седьмой день. На эшелоновом участке тоже рвались снаряды где-то в бункерах. Одну мину взорвали в состав цистерн с бензином, и до сих пор ничего не известно о результатах, а уже прошло четыре дня. Возможно, мина несчастливая, и взрыва не получилась. У всех канислов время их действия указано неправильно. Трехчасовые часто приходят в действие только через шесть — двенадцать часов, а то и через восемнадцать часов. О шести- и двенадцатичасовых и говорить нечего».

Дорогие мои товарищи! Прону обратить внимание на вышеизложенное. Ну вот, пока на первый раз. Если не будут удовлетворены наши требования, буду больше ругаться».

— Видите, как он пишет, — проговорила «Муса» сердито и злорадно. — Я прямо боюсь

без него показываться ему на глаза.

Мне было все это тяжело слышать, но что я мог сделать, когда я опять получила из леса только десять мин?..

— Ну, все? — спросил я, глядя на «Мусу». — Или вы от себя еще будете ругаться?

— Пока все. Послушаю, что вы мне скажете.

— Давайте оборудуем здесь свой минный завод, — проговорил я, отшучиваясь.

— Мне не до шуток. Я сделала одно изобретение, но «Хрену» оно не подходит.

— Интересно, что за изобретение.

— Я придумала способ изготовления мины из банки толды. Пробочником сделала в середине банки отверстие, вставила в него детонатор с запальником и банку эту вместе со второй запаковала в консервную коробку. Испытала эту мину на тридцати бочках с бензином на нашей улице. Взорвалась. Бочки все сторежи, и стощу основательно разрушило.

— Вот видите, как хороша.

— Получилось неплохо. Толды у меня есть, но нет запальников. И, во-вторых, «Хрен» отказывается от них моего изобретения и требует магниток.

— Ну, ладно. Сегодня день у нас удачный. Подуните пять мин.

— Мало, дайте хоть десять.

— Не могу.

— Дайте хоть всеми.

— Вы, что же, думаете, другие, диверсанты ругают меня меньше, чем вы? Хотите, чтобы они меня побоялись?..

— Нет, этого я не хочу.

— Тогда возьмите, что могу дать, и будем попрежнему дружить.

— Зажимаете вы нас, не дайте развернуться, — проговорила она, покачая головой, и приветливо улыбнулась.

— А у меня для вас сюрприз. Александра Андреевна. Подпольных горкомом вы приняты в партию и утверждены ответственным организатором горкома.

— Вот это действительно радостный сюрприз, — восторженно сказала она и, крепко пожмая мне руку, возбужденно проговорила: — Передайте спасибо нашей партии за доверие.

— Передам обязательно. А «Хрену» скажите, что его мечта тоже осуществилась. Я получил указание от подпольного центра считать его членом партии с момента его работы в подполье.

— Вот он будет рад, — проговорила она восторженно. — Завтра передаю его.

Я ознакомил ее с решениями горкома, дал указания по работе и принял от нее клятву, которую она произнесла вслух торжественно, дрожащим от волнения голосом.

— Это вы замечательно придумали, — проговорила она, поднимая клятву. — она поднимает дух на самые боевые дела. Где я смогу получить обещанные вами мины и все другое?

— Получите завтра утром.

— Хорошо. Ждите результатов и готовьте большие магниток.

На другой день рано утром «Нина» обложила себя бронюрами, газетами, листовками с текстом клятвы и крепко обязалась полотенцем. Сверху надела платье, шальто и сразу приняла вид беременной женщины. В кошелек вложила мины и закрывала их кукуруз-

ными кочанами. В таком виде все это благополучно перенесла к «Мусе». Иван Михайлович передал «Нине» несколько удостоверений и паспорт, сделанные по моему заказу. «Нина» запертала их под кофту и тут же ушла.

Газеты и листовки «Муси» поручила мужу раздать руководителям групп, которых он хорошо знал, а сама собралась к «Хрену», снеха застать его дома до ухода на работу.

Мины и клятвы для его группы она запернула в тринку и уложила в «авоську» между картошкой и луком. Иван Михайлович, ежась и потирая руки от холода, внимательно следил за приготовлениями жены и помогал ей лучше закусировать опасную пошу.

— Не рискованно ли в сетке-то? — сказал он, добавляя в «авоську» картошку и плотнее обкладывая ею со всех сторон мины. — В кошелек лучше.

— Ничего. «С базара изу». На «авоську» они меньше всего обращают внимания, — ответила «Муса», подкрашивая губы перед зеркалом.

— Может быть, мне пойти с тобой?

— Не нужно.

Надев шляпку небрежно и расправив локоны, она вполне могла сойти за кокетливую легкомысленную женщину.

— Когда придешь домой?

— Через час.

— Не задерживайся. Литературу я спрячу и подпал.

— Да, да, спрчь. Сначала только разложки на шесть пачек поровну, чтобы не обиделись, что я их обидели.

На улице было холодно. Мокрый снег на тротуарах подмерз, и было скользко.

В туфлях на высоких каблуках и без казона «Муса» шла тихо и осторожно, боясь поскользнуться.

В городе все было, как обычно. Все-где торопливо двигались люди. Пробежали автомашинки с немцами. Все выглядело угрожающе, тоскливо, приглушенно.

Чтобы не встретиться с немцами, «Муса» свернула в переулок, вышла к Сагиру и пошла вдоль реки. На Архиповом мосту как раз происходило стояк жандарм, осматривая проходящих людей. Он был в плаще, в каске с большой бляхой, со свистком на груди и короткой точеной палкой в руках.

«Муса», заметив жандарма, выпрямилась, сделала непринужденный вид и не спеша пошла к нему.

— Халат! — крикнул ей жандарм, подняв руку вверх. — Документ.

— Батто зер, — ответила «Муса».

Из сумочки достала паспорт и показала жандарму, прямо глядя в его холодные бесцветные глаза.

Тот перелистнул паспорт, внимательно осмотрел печати, проинспек, посмотрел на фотокарточку и на «Мусу» и, судя по оглавлению ее с головы до ног, схотел вернуть ей документ.

«Муса» хотела идти, но жандарм неожиданно сорвал шляпу с ее головы и загнул в нее. Немцы считали, что русские женщины обязательно прячут листовки на голове под головными уборами. У «Мусы» в шляпке ничего не оказалось. Жандарм заставил ее растегнуть пальто и начал грубо обшаривать ее сзади толстыми пальцами.

«Муса» не растерялась. Консультивно улыбалась, она широко растопырила руки и, подвигнув их вверх

вместе с «авоськой», начала поворачиваться перед жандармом, как бы желая помочь ему обыскивать себя.

Видя такое безмизанное отношение «Мусы» к обыску, жандарм успокоился, кивнул ей и на крутанувшуюся перед его носом «авоську» с шапкой не обратил внимания.

Внешне спокойная, «Муса» не спеша пошла дальше. Голова кружилась от напряжения нервов. Ей казалось, вот-вот она потеряет сознание и упадет.

Подойдя к дому «Хрена», она осторожно осмотрелась по сторонам. Никого не было. Быстро вошла в подъезд, поднялась на второй этаж и постучала.

Дверь открыла Люда. Александр Андреевна быстро прошла мимо нее и в изнеможении опустилась на стул. Лицо сильно побледнело, на губы выступили крупные капли пота.

— Что с вами? — испуганно в один голос спросили «Хрен» и Люда, бросаясь к ней.

— Ничего, друзья, не беспокойтесь. Имела маленькую неприятность по дороге.

Ничего не понимавшие, она рассказала им о своей встрече с жандармом и передала «Хрену» шертон с шапкой и шляпками.

— Знаете, Александр Андреевна, истерически говори, у меня и у моих ребят тоже бывают такие моменты, когда нервы раскисают, как вот сейчас у нас, — говорил «Хрен», проверяя мин и запястья. — Только пять минут! Мало, мало! Недостаточно, значит, дошла до них моя ругань. Ну, ничего, на безрыбьи и рак рыба, идите результатов. А это что? — приоткрыл он, рассматривая шляпку.

— Есть указание горкома оформить подпольные группы принятием клятвы подпольщиками — сказала «Муса». — Нужно это сделать, не откладывая.

— За нами дело не станет.

— Я знаю. Давайте, начнем с нас, Виктор Кириллович. Читайте!

«Хрен» выбрал клятву, которая была явнее отпечатана, встал поочередно перед «Мусей» и четко прочитал священные слова.

Задумались, молча глядя на листок.

— Ну, как? — склонив голову и замигавшая «Хрену» в глаза, спросила «Муса».

— Сильно! Как раз то, что нужно, — ответил тот. — Подписать свою фамилию?

— Нет, свою клятву подпишите и запишите свой номер. Не забывайте: номер нашей клятвы горком выськой. А теперь, давайте, а нас поцелуй. — Кренко обнял и поцеловал его, она растроганно продолжала. — Мы с вами приняты в партию.

— Замечательно! — радостно вскрикнул «Хрен». — За эту честь, давайте, и нас теперь поцелуй.

— Александра Андреевна, — проговорила Люда, внимательно слушающая их, — разрешите и мне дать клятву.

Вглянувшись на Люду, у которой лицо все было в пятнах от волнения, Александра Андреевна испугалась. За короткое время из знакомства она превратилась в приятельницу молодой женщины и бережно относилась к ней.

— Ты, Любочка, не волнуйся. Успокойся. Тебе так волноваться вредно. Ведь ты скоро матерью будешь. — сказала она, нежно обняв ее.

— Ничего, ничего, — проговорил «Хрен», ласково глядя на жену. — Пусть покажется за обоих — за себя и за будущего сына.

И Люда тоже приняла клятву.

— Как советуете организовать принятие клятвы от моих ребят? — спросил «Хрен».

— Сделайте так, чтобы члены нашей группы почувствовали всю ответственность этого акта. Трусом, колеблющимся нам не нужно. Клятву от таких не принимайте.

Поговорив еще немного с «Хреном» и Людой и послушав их мечты о том, каким будет их будущий сын, «Муса» ушел.

Две минны «Хрен» спрятал в портфель, а остальное отдал Люде, чтобы она отнесла их к своей матери. Люда подхватила минны к животу и надела пальто.

— Здорово! — о восторге воскликнул «Хрен», глядя на жену. — Сыни еще не родился, а уже знает, что такое минны.

Они вместе вышли из дому.

— Будь осторожна, — проговорил «Хрен», целуя жену, — ты теперь не одна.

— И ты береги себя, — сказала она, уходя.

В эти дни работавшая в городе группа молодых диверсантов совершила нападение на водоканал. Строгости на станции услазились.

До этой диверсии служившие на станции проходили свободно, теперь же при входе на территорию станции встали пещера, которые проверяли удостоверения и пропуска. Для рабочих сделали специальную проходную, и их начали обыскивать.

В этих условиях проносить минны водопроводчика «Хрена» было очень опасно. Кроме того, требо-

надеясь, чтобы минны всегда были под руками, так как немцы форсировали поисковые операции сами под секретом и быстро их отправляли по назначению.

Подпольщики местом для хранения мин «Хрен» считал кладовую станции, куда он устроил в свое время на работу старика Брайера.

Эта кладовая стояла в стороне от станции, около путей, и немцы туда редко заглядывали.

«Хрен» нашел в кладовую кладовку, наполненную картриджами, фанерами, жетонами, дореволюционными банками и другими вещами. Брайер был один и вынул из них карты.

— Ты, Андрей Андреевич, член партии? — обратился к нему «Хрен», оглядывая кладовку.

Тот оторопело молчал, поглядывая боковую дорожку.

— Я знаю, что ты коммунист, — продолжал «Хрен», достав из портфеля минны. — Поэтому ты должен спрятать вот эти штучки. — Он дал ему минны и добавил: — Запомни, что является на станции и перегоняет?

— Слышал.

— Так вот, все это происходит вот от этих самых вещей. Ты должен из беречь и хранить во всякое услаивание.

Старик взял из рук «Хрена» минны и быстро спрятал их под полку в разный угол.

«Хрен» дал ему клатву.

— Вот, братишка! Клятву твою будет «Голубь». Поминай клятву своей клятвой, и поверь ее знамени.

Старик прочитал клятву, поминал и вернул «Хрену». Все это казалось ему странным, но он знал Ефремова и доверился ему.

— Храни все в строжайшей тайне, — предупреждал его «Хрен». — Помни, если что случится, отве-

чать будешь. Меня не станет — найдутся другие. Понял?

— Все понял.

«Хрен» сказал ему пароль, с которым будут приходить к нему на минны, и пошел из станции, наметываясь лесною тропой.

Вечером он пригласил к себе на квартиру «Кошку», «Мотю» и Соломона Николая, работавшего составителем поездов. «Хрен» его завербовал в группу и получил от него ценные сведения о движении поездов.

Стол был накрыт по-праздничному: бутылка коньяку, пироги и другие закуски, приготовленная Лизой.

«Хрен» не сразу сказал друзьям, зачем позвал их.

Он прочитал им из газеты «Правда» военный обзор, показав напечатанный в газете портрет товарища Сталина в маршальской форме. Рассказал, что в Красной Армии введены офицерское звание, погоны и обмундировка, почему это сделано. Поговорил о своей работе и о том, как живут и борются партизаны.

— Мы кое-что здесь делаем, друзья мои. Мы — партизаны в городе. Нам труднее действовать, чем партизанам в лесу. Их там много, они среди своих, а мы тут — во вражеском лагере. Все это вы знаете. Для того, чтобы нас считать подпольщиками, мы должны принять клятву.

— Мы готовы, — ответил «Кошка».

— Разно ты как не веришь? — спросил «Мотю».

— Я так верю, — ответил «Хрен», — знаете ли бы не была в моем доме. Клятву подпольщика — это все равно, как присяга красноармейца. Больше скрывать всех нас, подпольщиков, должна, а не

подпадут в бору с врагом.—Он дал каждому по клите и добавил:—Вот прочитайте, подумайте и подпишите.

— Прочитай сам, полатыне будет,—сказал «Кошка».

— Хорошо, слушайте.

И «Хрен» прочитал им клитев неделю, четко, с воодушевлением. Особо подчеркнул: «Если же по злому умыслу или трусости нарушу данную клите, то пусть наказания мне будет всеобщее презрение и смерть от руки моих товарищей».

— Вы понимаете, что это значит?

— Понимаю.

— Я уверен, что этого с нами никогда не случится. Мы скоро вместе встретим Красную Армию.

— Спорей бы. Иной раз кажется, и не дождется такого дня,—проговорил с падохом «Мот».

— Докладом, и все будет в порядке,—твердо и уверенно проговорил «Хрен».

Они подыскали клите и крепко показали друг другу руки. Выпьем, покушаем и вечер провели в дружной семейной обстановке. Имен починили проуши на руках, хорошо размялись на досках.

На другой день после принятия клиты «Кошка» и «Мот» взяли две мины и швелон с пятнадцатью патронами боеприпасов. Врань произошёл на станции Велан-Терек, и состав был уничтожен.

Третью мину они заложили в состав цистерн с бензином, но состав ушел далеко, и в результате действия мины ничего не удалось узнать о величине огорчения «Хрена» и «Муга».

Вскоре пещеры сформировали швелон в тридцать один вагон. В составе поездов были две цистер-

ны с авиабензином, две цистерны с моторным маслом для самолетов, вагоны с тракторами-тягачами, несколько вагонов с продовольствием и один вагон с шинами.

К «Хрену» в кабинет позвонил «Кошка».

— Как быть? Швелон без боеприпасов, и горючего мало,—опечаленно проинформал он.

— Состав не очень хлебный,—отвечал тот,—но утешать не нужно. Вызывайте, мины у Брайера. Сходи ты. Я предупредил его.

«Кошка» взял у Брайера две мины и, докладываясь телеграфу, привез их к двум цистернам с бензином. Мины были с шестичасовой дистанцией, и мины должен был произойти где-то в пути и два часа ночи.

Но по каким-то причинам отправка этого швелона задержалась на несколько часов.

«Хрен» не спал всю ночь и страшно пероничал. Врань швелона на станции происл большой неприятности. Назначил на вечернюю работу паталон. Но в этот раз они работали с небольшой задержкой.

В четыре часа утра произошёл взрыв, за ним другой. Загорелась цистерна с бензином, и пламя мгновенно перекинулось на другие вагоны. Начался большой пожар. Пещеры растерялись и разбежались, а люди вбежали в себя, бросались к поезду и вместе тушения пожара начали растаскивать швелон, продовольствие и перерезались жолду собой.

Пожаром сгорело было уничтожено весь швелон и повреждено 19 вагонов, которые были полны под перегруз. Тракторы обгорели и требовали большого ремонта. Было уничтожено и разрушено около двухсот метров железнодоро-

рожного пути и повреждены строения. На восстановление путей немцам потребовалось много времени.

Утром «клоун» вышел к себе «Хрену» и строго спросил:

— Почему сторож спал?

— Не могу жить, — спокойно ответил тот, — ложите, смотрите.

Ефремов залез под штерну и долго так лежал, делая вид, что внимательно изучает причину пожара.

— Смотрите, — проговорил он, наконец, спросив немца залезть

под штерну. — Плохо закрепили фанеры, они нагрелись и выскочили, разлился бензин, и, конечно, что-то неосторожно шипрону бросил.

Он так горючо и убедительно выказывал «клоуну» признаки пожара, что тот ничего не мог возразить и поверил.

Эта увертка так и осталась неизменной немцами, но «Хрену» она доставила много хлопот и волнений. Им получили предупреждение, что за них началась слежка.

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ К ИСТОРИИ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

Публикуемые письма Федора Федоровича Ушакова к секретарю канцелярии Екатерины II Василию Степановичу Попова представляют большой интерес не только для изучения личности талантливого флотоводца, но и истории Черноморского флота в наиболее ранний его период — 1790 и 1791 гг. Письма Ушакова приводят читатели к забытым Черноморскому флоту. Именно в это время молодой Черноморский флот, под водительством выдающегося контр-адмирала Ф. Ушакова, одержал ряд блестящих побед над многочисленным флотом султанской Турции, не желавшей примириться с мыслью, что с 1783 года, т. е. с момента присоединения Крыма к России, владению Турцией на Черном море наступил конец.

Ф. Ф. Ушаков родился в 1743 году. Учился в морском кадетском корпусе. В 1790 году главнокомандующий Черноморского флота — генерал-губернатор Новороссийского края Григорий Александрович Потемкин-Таврический, которому императрица Екатерина II ввергла основанной жидкой России, поручил Ушакову командование Черноморским флотом.

Рядом блестящих ударов Ушаков разбил турецкий флот и не только отучил султанских вояков разбойничать у прибрежных берегов, но и показал всему миру, что на Черном море есть новый хозяин —

Россия, с флотом, оснащенным передовой техникой. Дорого обошлась султанской Турции политическая инициатива в Крыму и ее почестное соперничество на Черном море. Черноморский флот быстро окреп и численно вырос: это видно из того, что при посещении Крыма Екатериной II в Севастополе на рейде стояло 15 больших и 20 малых судов.

Исследователи найдут в письмах Ушакова и его отчете богатый фактический материал о численности флота и отдельных команд, о количестве потопленных судов противника, а также о боевом духе и боевом мастерстве самого адмирала этих ином и отделе личного состава Черноморского флота того времени.

Контр-адмирал Ушаков не ждал прихода противника в русские воды, а брал его на его же территории, искал противника и выманивал ему боя в самых неожиданных местах. Так, в 1790 году Ушаков с эскадрой направился к турецким берегам, обстрелял Синоп и востребил 26 неприятельских судов, отогнал уцелевшую часть неприятельского флота от Керчанского пролива, а затем разбил ее у Гаджи-Бей. не понес при этих вылазках потерь.

Ушаков часто принимал бой с противником, численно превосходящим его во много раз. Так, в черновых записях Ушакова

интенсивно пометки, как однажды он с четырьмя кораблями воювал против тринадцати вражеских судов, потопил большой фрегат и истребил адмиральский корабль.

Как видно из сохранившегося в Центральном Государственном архиве Крыма письма письма Ф. Ушакова к императрице, за небольшой период боестой деятельности Черноморского флота переполтавский флот потерял более 40 тысяч человек: свыше ста судов, более тысячи пушек, доуловил эскадр, вылавил флот генерал-адмиралский и др.: «Она же на предлах. Выход известно намерениями плану не были ни под и ни на армию помню».

Потопленые письма Ф. Ушакова описываются как таковые и описываются откровенно и боит, об отступе флота на уступлении бытности уступлений системы Черноморского флота: «она известность истребит истребит, потопит и расколотая сера злость отменной, разоружения...» «Немало ли батюшка Василий Степанович сделать истребит, разоружения для истребит и истребит офицером галопом истребит, разоружения» (см. письмо от 18 октября 1790 г. и др.). Эти приписки достаточно характеризуют великого флотоводца, но отнюдь не батюшка о вухах своих подчиненных.

За победы, одержанные Черноморским флотом над переполтавским, истребит, разоружения Ушаков в 1800 году был произведен в адмирала. В 1802 году Ушаков командовал Балтийским учебным флотом.

Умер Федор Федорович в 1817 году 74 лет от роду.

Василий Степанович Попов, которому адресованы письма Ушакова с 1783 по 1787 гг., был чиновником особых поручений у императора Павла Петровича, затем был секретарем императора Александра II. Оказало с переезда на новую работу он сошел с бывшим работодателем по терлу и был его доверенным лицом. Через Попова проходили все важные бумаги Потемкина.

Секретный ордер Потемкина, публикуемый вместе с письмами Ушакова (см. док. № 2), доводит имеющиеся материалы о взаимоотношениях первого генерал-губернатора Новороссийского края (була первоначально был назначен в Крым) и основан на законных, неволь, заседаниях их людей на самых отдаленных уступах. Карам и промышленности расколоты этого края.

Публикуемый ордер показывает, что Потемкина как умного, осторожного руководителя и большого патриота своей России. Он уже восторгался, а когда нужно было, и карать. Ф. Ф. Ушаков работал и те годы в тесном контакте со «судейскими» и под его руководством обеспечил России на Черном море свободное судоходство и подпал боковую славу Черноморского флота.

Подлинное письмо Ф. Ушакова к ответу императрице в Центральном Государственном архиве Крыма, в фоліе № 535, том № 512. В публикуемый документ сохранился орфографией подлинником.

Письма рассматриваются в хронологическом порядке. Настоящие документы публикуются впервые.

Документ № 1

Краткой журнал комзидующего флотом Черноморским
контр-адмирала Ушакова

о военных действиях флотом и разных
исполнениях

1790 года

В апреле месяце по повелению из Ясу от бывшего Светлейшего князя Григория Александровича Потемкина Таврического имел и повеление как намеревая изстроить и усилить флот на Черном море и начать действованию.

Известно было повеление приуготовление войск на Черном море для переносу их на судах в Азию, так как часть в Константинополь и в русские берега для преобразование в армию и транспортирование туда войск и прочая приказом.

Начали повелению с намерением поспешности приуготовили и отплыли в число трех малых паравозов четырех брегатов¹⁾ и 12 ти крейсеровых судов и с ними обогнал англо-французский²⁾ и абхазский³⁾ берега, при этом в море в Сивасе⁴⁾ и Самсоне⁵⁾ при самых крепостях под огнем и в разных местах при берегах абхазских истреблено и сожжено не мало число транспортных и разного сорта судов, дали крепостям и жителям оных прокламации и объявили им о том, что предвидя страх и беспорядочность равно и при Анапе крепости⁶⁾ военный суд и жители нахо-

дятся таковой же страх и беспорядочность. А за тем предпринят вследствие флота неприятельского с намерением иметь с ним генеральное сражение не имея на то никаких действий пооружения кораблей со всеми боевыми и необходимостью поспешился к Севастополю морю, куда послано отрядом шесть пленных судов и более 2-х сот человек пленных людей.

После ухищрения сего поспешно и с самой скоростью поспешно флот турецкий при таурическом берегах остался и предпринят было дальнейшее бою с кораблями, фрегатами и разного сорта отрядами судов.

С поспешностью исправи всеми необходимостями флот намерением, вышел и с оным из Севастополя в число пяти линейных и пяти малых паравозов шести фрегатов и 17 ти крейсеровых судами следовал на оный и против Египетского пролива ввела 9-го числа имел жестокий сражение продолжавшийся более пяти часов, при котором флот неприятельской разбит совершенно.

Действие сего выражено в этой таблице означено в планах № № 1, 2, 3, 4.

Сими исполненными данными мною повелений все намерения неприятельские против таурических бе-

1) Парусных судов.

2) Турецкие берега.

3) Берега нынешней Абхазии.

4) Турецкий город на Черном море. Расположен между Константинополем и Трапезундом.

5) Турецкий город на Черном море.

6) В XVIII веке Анапа была турецкой крепостью. 29 сентября 1829 г. Анапа была присоединена к России.

всемерно старание в обеспечении флота все изверенного и по получении извещения со своим возвратился в Севастополь благополучно.

Во все время проия утреблемы были неуслынные труды и старания в исправлении разных поврежденцев, слабостей флота, и к кончанью 1791 года весь флот корабли фрегаты и прочие разног сорта суда все до одного исправлены и готовы.

1791 года

Во время приготовления флота посланными пресерачи к Английским берегам при оных истреблене послало суда и одно шедшее из Константинополя пришло в Севастополь, чрез илених получены все потребные обитательств и сведения о которых знать было нужно.

А после сего и начало начал выкалси при Таирических берегах пришедший по оным флот турецкой весь генерально к немуж для упокоения присоединены были Аджарцы, Туменцы и Дуладжиды*) с великим числом фрегатов и прочих и отборных разных судов, даже и линейные корабли многие концытопы и усилены весьма превосходным числом оных. Составил еще производительным адмиралом с помоществом известным адмиралом начальником Сиди Али, и прочими семью чиновниками именными флаги свои на ставках, и был в великом превосходстве большими кораблями фрегатами и прочими судами.

После и окончить приготовления флота по слову повеления его Святости немедленно вышел

с Севастопольского рейда в числе 6 ти линейных и 10 ти малых кораблей двух бомбардирских и один малый фрегатами и с 17 тыо пресерскими судами, и отбыл при Таирических берегах кие Ан вострога флот неприятельской и всеми употребленными способами начал выходящими образом дать ему решительно генеральную баталию; но неприятель всячески от оной избегал и начал также свои выходы. И несподзя раз с отборными кораблями которых лети в ходу догнал и принуждал его к бою, но прочие последующие за мною не успевали и остались весьма далеко, чрез таковое проведение неприятельской флот начал удалялся и таковы образом отклонился он весьма на далекое расстояние от Таирических берегов к стороне Константинополя, и имел кораблями своим весьма превосходной ход по ходу истреблен. По сему и неприятель и в Севастополь для некоторых исправлений по флоту и в самой скорости стал выходящими расформировать и великим потребным количеством вышел вторично для помощи флота неприятельского следовал прямо к Румельским берегам к Варне и подходя по оному месту обозрел его весь вообще при Калварии и протек мимо Калварии буря в откритом море имел с ним жестокие сражение которой с помощью великого весь разбит несовершенным. Действие и обо всех подробностях оного ознано в илених № № 1, 2, 3.

После совершенного поражения неприятельского флота, флот все вперенной в самой скорости исправлен при Румельских берегах близ Форбса под командою адмирала

*) Черноморцы.

между тем посланными отменил пресерани около Румельских берегов даже вблизи столицы оттоманской нанесены великие беспокоества истреблением в разных местах многих судов. Как же скоро же повреждении флота испанского, узнав я от пленных, что неприятельский флотилии по прежнем сражении отделившись от флота под командою Аджеринского начальника находится в Барне, спешил со флотом идти для его взятия или истребления, а оттолкнувшись к Константинопольскому проливу нескать разбитый флот неприятельской считал несомненно есть ли которые корабли не выбрались и пропали паче из вблизи столицы при Анадолийских берегах.

С поправлением поврежденных на флоте надеялся и наилучшим образом без потери своих кораблей воспользоваться плодами бывшей победы, ибо после по обстоятельным сведениям оказалось, что действительно флот неприятельской расписки был тогда в разных местах частию чрезвычайно поврежденные корабли вошли в Константинопольский пролив а прочие просились к Анадолийским берегам.

Спеши и исполнением 8 числа августа находился в виду уже Варны и сделаны были на флоте распоряжения для истребления судов при оном месте находящихся; но на приведенных

пресерани двух пашинских врангичах получено повеление от Командующего Армиею о заключении и подписании пределиварских пунктов мира между Империею Всероссийскою и Портою Оттоманскою о прекращении военных действий и о возвращении к своим портам.

Получением сего повеления всеминутнейшим посредствием прекращены и военные действия кончены благопритием мира, по сродству которого возвращаясь со флотом уже вверенным 20 числа августа прибыл на Севастопольский рейд благополучно.

Всемишней поборова поборова дружию Ея императорского величества благоволил имен два года флот Черноморской при дивизионных столь совершенных победах предохранить так что ни все оное время ни одно и малейшее судно не потеряно, и в руки неприятеля из оного флота ни один человек не достался.

По окончании военных действий по всей возможности употреблены многи старания и потребных поправленных флота и в постройках при Севастополе в лучших и сохраненно служителей и здравые места казарм госпиталей и прочих необходимо-надобных строений, которые назначены в плане Севастопольского порта.

Контр-адмирал Федор Ушаков.

Документ № 2

Письмо Г. А. Потемкина-Таврического
Ф. Ф. Ушакову

СЕКРЕТНО

ОРДЕР

Господину Контр-Адмиралу и
кавалеру Ушакову.

Из последнего донесения Вашего
Преносходительства усмотрел я,
что Вы визитовались, назначая
при том прибыть на рейде сутоп-
нить. Желаю и Вас уже слышать
на доре, тем паче, что непри-
тельской... (неразборчиво) оказы-
вается у берегов Тавриды.

Решительное дело претерпели,
иже ветер в свою выгоду, и по
иначе. Ибо лучше чтобы до пре-
мени стараться гонять их только
от берегов.

Корабль Св. Троицы уже в про-
лив Бискайский. Вить мери его
присоединить а для того ему быта
готову. Он будет то идти со фло-
том к той стороне, и... (неразбор-
чиво) его обратиться к Севасто-
полю, а там присоединит корабли из
Ливана, и которых и для Вам мое
предназначение как их присоединить
ко флоту.

Объявите всем до одного по
флоту, что прославленный победа-
ми над неприятелем сей флот де-
лахи умножат славу император-
ского флага, требуйте от каждого
исполнения должности не щадя
жизни. Я буду радоваться случаю
доставить им награды, а в против-
ных случаев... (неразборчиво) по-
ступить по всей строгости законов.

Я отправляюсь в Николаев и
Херсон получить вооружение. Из
флота я получил отчеты офице-
ров с особливими рекомендациями,
особливо Кроун, капитан первого
ранга, отличившийся во всех слу-
чаях.

Под Вашим начальством я их
ожду с часу на час и доставлю
к Вам в скорости.

И поитория со бесчестными
корабли Св. Троицы, рапортуйте
меня, лично отправляя через г.
обер... (неразборчиво) комиссара
Фалеева.

Потемкин-Таврический.

Документ № 3

Письмо Ф. Ф. Ушакова В. С. Попову

Милостивый Государь!
Василий Степанович

При заведомостиюваниях ве-
стияного моего нам милостивому
государю почтенно, донести честь
имею; по прибытия моем в
Херсон¹⁾ рассмотрели мы общо с
Семеном Ивановичем Афанасье-

вым²⁾ все потребности следующие
по отправлению в Севастополь для
снабжения флота, и что есть на-
личное в самой скорости отпра-
влено будет отсель к глубокой на-
прямедии из Севастополя суда; а
нужки английские 30 фунтовые
сей день туда уже отправляются

¹⁾ В Херсоне была верфь и воен-
но-морская база флота.

²⁾ Обер-интендант генерал-майор
Афанасьев.

к погружке. Канатов корабельных положили мы отсал отпарить несколько из тех, которые считаются не благонадежными; но из них по осмотру нашлись хотя по нужде некоторые в дело употребить можно: nemlig теперь предвидится недостаток в больших и малых якорях и верках, тех кабельтовых и канатах на мелкие суда: ибо по прибытии моих в Херсон оказалось что инвентаря здесь в прошедшее время нового заготовления якоря, пробованы были и оказались по употреблению неблагонадежны; все те которые пробованы были разбились, о чем упомяну от Сомова Ивановича уже донесено. На Иосифе²⁾ прошлой год были из этого числа и оказались также пригодны; а как таковых якорей прошлой осенью на малое число отпаралено отсал в Севастополь; потому и самое совсем неблагонадежны, и не знаю найдем ли тех перенести. Ожидают теперь приходу нескольких якорей из Клева; также Сомов Иванович послал нарочного курьера на реку Днѣ и Таурон и в разные там места, сколько есть там этого доставить. Впрочем отобрал я о потребностях снабдения и исполнению повелением Его светлости сего числа на Херсона отправился в Севастополь. — Следует ныне на помянутую штаб и обер офицерам получить поштине и порционные деньги, тех же нужно несколько для отпараления курьеров и прочих надобностей эскадры ordinарной суммы; но денег в правлении ныне в наличии не состоит. Прошу милостивое милостивый государь обо всех потребностях не оставить какому

старанию, в казеной казенке, с истинным моим почтением и совершенным преданностью пребуду навсегда.

Милостивый Государь
Вашего превосходительства
покорнейший слуга

Федор Ушаков.

30 марта
1790 года.

Документ № 4

Милостивый Государь
Василий Степанович

По прибытии моих в Севастополь изуспаси на малейшего времени приказал я исправить все подлежности, и отбрав обо всех обстоятельствах сведения и исполнению повеления Его светлости.

Нынеш при случившейся оказии имел честь рапортом своим донести почти об одной поверхности сколько было можно. А после сего донесу обстоятельное хотя и не желал бы я писать об недостатках по низу что никак миновать об оных не можно, ибо не только здесь, но и в Херсоне многих вещей в наличии не состоит, а на флот весьма надобны. А особливо сложенные различного сорта троссы кабельтов и веранги, тех разные вещи о которых писать буду в Херсон, из них многие недостатки можно будет исправить деньгами отпараленными ежели так из будет довольно. Боюсь только, что и с ними многих вещей не достанет. Правление обо всех многих здесь недостатках известно. Многие вещи и законить

²⁾ „Иосиф“ — корабль Черноморского флота.

ничего нельзя, а надобно будет
правлению доставить их как можно
благоприятно, о сем довести.

С истинным моим почтением и
совершенною преданностью

пробуду навсегда
Милостивый Государь
Вашего превосходительства
почтеннейший слуга

Федор Ушаков.

Апреля 1790 года
Севастополя.

Капитан Баранов из отпуску
приехал, Степанов из Тагирова
упомяну будет скоро.

Документ № 5

Милостивый Государь

Василей Степанович.

При засвидетельствовании Ва-
шему превосходительству истин-
ного моего почтения, довести честь
имею: карсерами нашими шедши-
ми из Херсона с припасами, при-
родено назовалось греческое судно
Сидяева, котороешло с фрукта-
ми для продажи в Херсон. Уверен-
ным о сем имею всех письменных
его документов, потому и почести
показано оно волею как и прочие
прежде прошедшие тошнее и
суза. Об известии Константино-
польски имел честь представить
«мне», поэтому из оных волею
почести обстоятельных, ибо греки
и таинником хитре робко и раз-
скапывать «мне», однако
герметично то, что флот их весь на
рейде, недостаток людей и снаря-
жено оных из Белого моря. Кактра
особо приуготовляющаяся осымет
думам больше из фрегатов и
может быть несколько небольших
кораблей, но думаю также чтобы
она вся пошла в одном месте,
потому и оной не опасаясь, может

сво послужить к лучшему лишь
бы успеть исполнить возможно
прежде выхода большого из флота,
о котором неизвестно заперевство
куда он пойдет, но думаю они,
как там слышали намерение свое,
ждать сражения со флотом, так-
же думают из них некоторые, что
пойдет он к Анану: однако вероят-
ности на в чем показывать нельзя,
почитаю, что они об оных не
мало не знают.

Прошу почтнейше Вас Ми-
лостивый Государь употребить
Ваше старание курьера моего на
мазейше не удержат что он
скорее с ответом возвратился,
сумевшись однако что он меня
здесь уже застал, ежели только
успею приготовиться. На время
отсутствия моего, поручу здесь
флот, исправление и приготова-
ние оного, господину бригадиру
флота капитану Голенину¹⁾, на
которого надеюсь. Все же Ми-
лостивый государь прошу покорно,
не оставить старанием вашим обо-
многих вещах ко флоту надобных,
которые должно во всеобщую и
магазинах чрез правление купить,
а прочее доставить отсюда что
можно. Сверх потребных ныне в
настоящий комплект необходимо
должно же иметь здесь в запасе
несколько запас чистых, из
стены и рем. так также и
парусины. Замечая и из отстоя,
привезших из судна греков, что
неприятельской флот ныне будет
многочисленнее прежних. Будем
здесь как можно флот скорее
иметь готовым, и оного ожидать
случая.

Безопаснее также так чтоб
многие отдаленней от Севасто-
польского флота в разных местах

¹⁾ Голенин Г.—командир 66 пу-
шечного корабля.

офицеров, разных чинов, и служителей не обезопасить ценных линейных кораблей, они есть лучшая наша надежда по отражению и нападению на неприятеля. Прошлой год в старослужащих людях и офицерах похищался здесь недостаток, и ныне по тяжести времени многие из того числа уже погибли, также и ныне много больных, и за всем тем большое число еще отделено в Таганрог^{*)}, отсюда же пойдут в Херсон на корабль *Навархия*, а не только и на прочие суда, и почитаю и великое число кораблей, хорошо снабженных могут вынести страх неприятеля. Весьма беспокожу меня требования в разные места офицеров тех разных чинов и служителей, и здесь их немного, не могу никак всех ими удовлетворить, и опасаясь неудовольствия. Штал обер-офицеров, и разношнцев хотя по спискам и много, но многие есть которые имеют переполную способность с другими, и что только уменьшают число, и комплектовать далеко спешу оных способными. Посему суда строящиеся некоторые от меня еще не комплектованы, буду снабжать их по возможности в потребное время.

Прошу Вас Милостивый государь естли из сего что дойдет к Его Светлости сия моя расположенность меня оправдать. О находящейся в Херсоне флотской команде, и в случае нужды о распределении оной дабы в перепишке не упустить в тем времени, прошу и сделать исполнение Сенату Иллариону Афанасьеву, о чем к нему обстоятельно писал.

^{*)} В Таганроге была верфь и база флота.

По занесении обо всем, в надежде благосклонности Вашего Превосходительства.

С истинным и почтенным и совершенной преданностию пребуду навсегда

Милостивый Государь
Вашего Превосходительства
покорнейший слуга

Федор Ушаков.

27 апреля
1790 года
Севастополя.

Документ № 6

Милостивый Государь
Василий Степанович!

С пришедшего сюда из Константинополя с разными фруктами судна весьма желал и несколько оных отравить к Его Светлости и к Вам, но побоялся, что курьер мой с ними замедлит в дороге, при том почитаю, что в нынешнее уже время подовольному времени в наших местах таковые безделки ничего не стоят, почему обояду удобного случая не буду ли иметь счастья доставить к Вам чтонибудь достойное оных. Впрочем рекомендую себя в надежде Вашего Превосходительства.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию пребуду навсегда.

Милостивый Государь
Вашего Превосходительства
покорнейший слуга

Федор Ушаков.

Апрель 1790 года.

P. S. По известиям надю разные транспорты из Константинополя пойдут вскоре. Уверю с тем временем десная будет готова и успеет как выйдет в лучшее время или дупно... (перлаборитно)

их эскадра вынужд разделится для транспортирования оных как и прошлый год, потому приятнее почитаю увидеться с ними ежели бог мне сообразовалит не усумнился бы и я со всей той эскадрой увидаться почитаю ее не так важной да и показатель заманивает в своих словах. Думаю тут большей частью фрегаты разве там есть кораблей да и те думаю неважные и так желательнее с них увидаться о чем стараться буду и уповаю на бога.

Федор Ушаков.

Теперь мучат меня только бесчисленные исправления множества дел, разные требования и приуточения при великих недостатках не говорить ни писать не смею стараюсь как можно исправлять сии.

Документ № 7

Милостивый Государь
Василий Степанович.

В надежде благосклонных Вашего Препосылательства ко мне расположенный ронести честь имею. Произошло и все случилось и приуточении эскадры, ныне со мною обстою готов, тем: больше чувствую удовольствия, что при отъезде моем, и оставшейся здесь флот большей частью готов, и распоряжения какие нужно мне сделаны. Сия работа моя не так уже беспокоит как прежде, надеюсь и последнее приуточение допущено будет скоро, ежели немедленно получится потребность. С эскадрой надеюсь и выйти в море непременно 14 в число сего месяца, но худая погода неудлила обознать, полагаю надежду на Всевышнее Провидение, что оно мне время удерживает в спо-

койном месте, а после дарует лучшее. Бояз скорю оно настанет, не упусти первого способного ветра отправлюсь имея усердное желание выполнить повеление его Святости, с каковою надеждою с истинным моим почтением и совершенной преданностью пребуду навсегда.

Милостивый Государь
Вашего Препосылательства
покорнейший слуга

Федор Ушаков.

15 мая 1790 года
Корабль „Александр“.

Р. С. Мая 16 в число в 7 часов по полуночи снявшись с якоря и отправляюсь в путь с эскадрой, о чем сию и доносить честь имею.

Федор Ушаков.

Документ № 8

Милостивый Государь!
Василий Степанович.

Исполняя повеления Его Святости, андальские берега эскадрою столько потрепоженны, думаю, что ее тамошние жители не забудут долгое время. Спешу испечь липового корабля идущи в Алан, где скажут, оной с (Серакирох¹⁾) стоит на ядре, выжидают его соизидетныи. Будо он не уйдет в Сузжук-кале или куда прежде моего прихода, то оное место способно, надеюсь на бога и употреблю старание во всем что можно. Я весьма усердно желаю дождаться тех только поминко моих и вашему преемственности истинную преданность, желаю бы теперь что явудь стоящее послать, но не знаю еще есть ли что достойное, ибо действительно

¹⁾ С андером, командиром.

о грузе судов не получал и к себе ничего не брал.

Впрочем рекомендую себя с истинным почтением и совершенною преданностью пребуду навсегда,

Милостивый Государь.

Вашему превосходительству покорнейший слуга

Федор Ушаков.

28 мая 1790 года
Корабль Александр.

Р. S. По известиям флот неприятельской большей частью разбит, и из Константинополя яврут во многом числе выйти не может. Посему весьма нужно бы делать со флотом теперь над ним похаживать: ибо впрямь теперь самое лучшее. Кораблей сколько готовых есть теперь в Севастополе к сему будет довольно; желал бы сделать сперва нападения у румельских берегов при Варне и на Варне, идти и показаться у пролива Константинопольского патреничить там, и если можно будет уснуть, когда флот оттолк не вышел, надеюсь перню, что он уже и не выйдет. Если которые на нем есть и остальные разбегутся, а более думаю не заборут; если же вышел их флот как по известию о дне готовое, то я велю им стараться буду их искать; в другом случае можно не ходя к румельским берегам идти прямо к знаменитому берегу близости пролива, и оттолк показаться перед оным, сделав тем тревогу обойти кругом около румельских берегов. Сделай милость батюшка Василей Степанович постарайтесь если можно свою милость попросить от его светлости. В надежде сего с таким же почтением мои пребуду.

Я осмеливаюсь свою милость просить и рассуждения того что его Светлость думает не со всем флотом походу предпринять на союзники а теперь весьма удобное время к действию.

Федор Ушаков.

Документ № 9

Милостивый Государь,
Василей Степанович!

Свидетельствуя вашему превосходительству истинное мое почтение, довести честь имею, исполняя вверенную мне комиссию с частию его Светлости, имел в походе почти беспрерывно хорошее время и благоуспешные ветры и пошел с эскадрою, восточную часть моря, нанеся вреда вражеским под крепостями эскадром, самим крепостям и полному множеству означенного народа великой страх и отчаянность сотворив делая, сего числа благополучно прибыл в Севастополь. К истреблению же судов надобнось брадери²⁾, так же желательно бы иметь бомбардирской один или два, том сула два надобных к походу гребных с большими пушками, оных со мною не случилось, притом опасался дабы не немедленно поспрашением. И имея эскадру во всем сохранную в целости, для многих обстоятельств, опасался поспрашением ничт, теперь же остается обойти со флотом другую ближайшую часть моря, хорошо б оным поспрашить и лучше и безопасное время, по ожидании сего случая, рекомендую себя в благосклонную милость ва-

²⁾ Брадер—суло, предназначенное для сожжения неприятельского флота и восток.

ного превосходительства и проси милостивый государь не оставить старанием нашим обещанной мне его светлости милости, в надежде который, с истинным моим почтением и совершенной преданностью пребуду навсегда.

Милостивый Государь
Вашего превосходительства
покорнейший слуга

Федор Ушанов.

5 июня 1790 года
Корабль Александр.

Документ № 10

Милостивый Государь,
Василий Степанович!

В знак истинного моего к Вам милостивый государь почтения и преданности, осмеливаюсь при сем препроводить из призовых¹⁾ вещей одну саблю, один кинжал, одну рукоять, две коробочки винных ягод, боченок масла и мелких орехов. Прошу покорнейше благосклонно принять оные, хотя не значущие ничего по себе вещи, но яко изданные в таком месте, где Российский флот первой раз еще существует. Весьма усердно желаю и принимаемшем случае достать также и побудь лучшего масла и количество, но, в призах достойных не оказалось. Посему на первый случай надеюсь удостоить милостивый Государь благосклонно принять оных. За сим

рекомендую себя и продолжение милости Вашего Превосходительства.

С истинным моим почтением и совершеннейшей преданностью моею честь быть

Милостивый Государь
Вашего превосходительства
покорнейший слуга

Федор Ушанов.

26 июня 1790 года
Корабль Рождество Христово
из Севастопольском рейде

Документ № 11

Милостивый Государь!
Василий Степанович!

Почтеннейшее письмо нашего превосходительства от 24 числа июня и при оном план о расположении флота имел честь получить; за благосклонную благоприятность и за желание успехов к общей пользе служащих, приниму покорнейшую мою благодарность. Усердно желаю от успехов атаки шведского флота в скорости получить приятное известие; а между тем довести честь имени турецкой неприятельский флот 28 числа купленного масла, поплавившего от Тарханова кута¹⁾ весьма в дальнем расстоянии против Севастополя, прошел за Балаклавской мыс к осту. 29 числа при продолжавшемся северном ветре море зануровало против Илты к берегу, употреблено для того чтоб под берегом укрыться от крепости негра; по известиям же вчерашний день с фрегатов от Балаклавы до Илты судно видно не было, посе-

¹⁾ Тарханов кут—мыс на побережье Черного моря между Ематорией и Ак-Мечетью.

¹⁾ Трофейных.

му не известно к проливу ли Кин-
кольскому он пришел, дабы ка-
саясь оного идти к Аману, или
обратиться в другую сторону. Я
сего числа со флотом сенастанов-
ских шахоу на море и пойду на
ним осмотреть по охранению та-
врические берега, а потом пред-
приятия свои располагать буду по
способности случаям.

Ежели итти поздравлюсь к Се-
настанову, ждал бы получить на
равноты отправленные от меня с
курьером 28-е число резолюцию и
наставления, возболнаться ли мне
итти за ним для поисков к их
берегам, или остаться в предсто-
рожности для охранения тавриче-
ских берегов до получения изве-
стия где он находится и что пред-
принимать будет, дабы отделиться
от Тавриды с ним не разойтись.
При сем желательно бы иметь
позволение буде окажутся какие
случаи, или сообразуясь мнению
о полезности, иногда мог бы пред-
принимать сходство в поисках ку-
да нибудь далее. Я весьма доволен
был доверчивостию и милостию
Его светлости приказавшего итти
около Рунельских берегов; снм на-
деялся сделать великую пользу,
но как оказалось теперь уже иное
пошло и флот их ходит в другом
краю потому и расположение дол-
жно быть другое, о чем донося ре-
комендуя себя и продолжения бла-
госклонной милости нашего пре-
восходительства, с благожеланием
воим истинным почтением и пред-
анностью имею честь быть.

Милостивый Государь
Вашего превосходительства по-
корнейший слуга

Федор Ушаков.

Документ № 12

Милостивый Государь!
Василий Степанович

От истинного усердия имею
честь поздравить нашего превос-
ходительства с победою одержан-
ной флотом черноморским над ту-
рецким в Черном море против
пролива Киньольского¹⁾ и устья
реки Кубани. Обстоятельства дей-
ствий объяснены и представлено
от меня его светлости князь
Григорий Александровичу²⁾ рапор-
те; причем рекомендую себя и от-
правленного с ним известным
курьером флота господином лейте-
нанта Ломашова³⁾ и благосклон-
ную нашего превосходительства
милость, в надежде которой с и-
стинным моим почтением и сопо-
решной преданностью имею честь
быть.

Милостивый Государь
Вашего превосходительства
покорнейший слуга

Федор Ушаков.

10 июля 1790 года
Корабль Рождество Христово.

Документ № 13

Милостивый Государь,
Василий Степанович!

Почтеннейшее письмо нашего
превосходительства от 16 числа
сего месяца имел честь получить.
За все объясненные оным благо-
склонные милости Вашего Прево-
содительства принишу благодар-
ную мою благодарность. Чтож
принадлежит до скорейшего во-
с-

¹⁾ Керченского.

²⁾ Г. А. Потемкину-Таврическому.

³⁾ Ломашов Петр был вскоре про-
возведен в генерал-аудитор лейте-
нанты при канцелярии Потемкина.

принадлежности флота, смею уверить, что все исправления и работы при оных, с такой отменной прилежностью рачением и расторопностью производится, невозможно поверить сколько уже оных и етою краткое время исправлено, имея все общее отншение к желанию, как невозможно исполнить волю и желание Его светлости, заботясь во всех потребностях что чем, и как только невозможно. Надеюсь будучи не далее как чрез две недели совсем готовы, и могу со флотом выйти. Только весьма желаю и ожидаю некоторых вещей, в которых и в прилежно искал, но необходимости получить сюда хотя сухим путем, а затем доставлю могу получить уже при Очакове чрез суда, ежели на них высланы ко мне будут. О чем доношу, в надежде нашего превосходительства милостей, с истинным моим совершенным почтением и преданностию имею честь быть.

Милостивый Государь

Вашего превосходительства
векорнейший слуга

Федор Ушаков.

22 июля 1790 года
Корабль Рождество Христово
на Севастопольском рейде.

Документ № 14

Милостивый Государь
Василий Степанович

За оказанные милости Вашего Превосходительства и посланному от меня с рапортами к Его Светлости, о бывшем сражении, служившему со мной господину лейтенанту Ломанову, приношу панкорнейшую мою благодарность. В при том имею честь рекомендовать, оной господину Ломанову во все

время здесь служил со мною на корабле Св. Илья и ныне на Рождество Христово, отменно хорошим его поведением, исправностью во всех делах и рачительным исполнением должностей, находил и себя всегда довольным, и могу уверить, что он действительно истинной и во всем надежной офицер. Усрочно желаю чтобы он заслужил таким же образом всегдешние милости Вашего Превосходительства, в чем и я надеюсь.

За сие Вам Милостивый Государь доносить честь имею: не осмеливаясь о некоторых потребностях и о ценных обстоятельствах утрудять Вас переноскою о многих вещах приношал ему словесно доносить Вашему Превосходительству, и просить что возможно из оных о благосклонных Вашего превосходительства милостях. В надежде которых, с истинным моим почтением и совершеннейшей преданностию имею честь быть.

Милостивый Государь

Вашего превосходительства
векорнейший слуга

Федор Ушаков

29 июля 1790 года.

Документ № 15

Милостивый Государь,
Василий Степанович!

Имею честь поздравить вас— милостивый государь с одержанной флотом черноморским победою над неприятелем, и излечен турецкого адмирала из храбрейших неприятельского начальника, и корабль 66 пушечный и трех малых судов, безмаленьких женопорейные просить и во оставлении милости нашего превосходительства мною рекомендованных к его свет-

ожидая повеления Его Светлости. Пустошкин^{*)} с эскадрою 27 в число сего месяца из Еникальскаго пролива вышел, и надеюсь скоро придет в Севастополь, как скоро он сюда прибудет, приуготовленную для триумфальной пенику, тех плененных суда с препровождением трех фрегатов и пяти крейсеров судов отправлю в ямаи. Неприятельских судов нигде не видно, и не уповаю уже их и увидеть, думаю, что скоро все они уберутся в свои места к Константинополю, и так комерцию нашу почитаю безопасною, а между тем такли на всякой случай и проходе иметь им предосторожности, об оных сообщу и господину генерал-майору и капитану Дерibasу. Впрочем рекомендую себя в благосклонную милость Вашего превосходительства, в надежде которой,

с истинным жонм почтением и совершенной преданностью имею честь быть

Милостивый Государь
Вашего превосходительства
покорнейший слуга

Федор Ушаков.

29 сентября 1790 года
На Севастопольском рейде.

Р. S. О произведении Его светлостью лейтенанта Лопаткина, штаба его светлости в генерал аудитор лейтенанта, и о выключе его из флота повеления еще не имею. Также о жонм произведении его и Светлостью сержанта Игнатъева и прапорщика повеления также еще не получил. Покорнейшей прошу об оных.

Федор Ушаков.

Документ № 19

Милостивый государь.

Василей Степановичи!

Имаю честь довести вашему превосходительству: бригадир флота капитан и кавалер Пустошкин с Таганрогскою эскадрою и числе двух кораблей, одной бригадирской и 10-ю крейсерскими судами соединился с посланными от меня и к нему навстречу двумя крейсерами и прибыл к Севастополю благополучно, причем с соединением эскадр со флотом севастопольским вас милостивый государь и поздравить честь имею.

Теперь благодаря всевышнего флот наш состоит в довольных силах, и со оным к выходу на море обстою готов, и о предприятных имею ожидать повеления. Присяж охотничьим вас милостивый государь просить оказать милость и производстве в подпоручника при сем посланного от меня курьером сержанта Развозова которой человек весьма исправной дворини, давно уже служит весьма хорошо и прошедший год рекомендован был к производству. В надежде милости Вашего превосходительства.

с истинным глубочайшим жонм почтением и преданностью имею честь быть

Милостивый Государь,
Вашего превосходительства
покорнейший слуга

Федор Ушаков.

^{*)} Пустошкин—впоследствии вице-адмирал.

1 октября 1790 года
На Севастопольском рейде.

досто, чем благодарнейшему мне милости милость. При сем изрекоиздана честь имен: милости посланного от меня курьером аугуратора¹⁾ греческого полку Курина, который первой послан был на турецкий адмиралский корабль и успел снести и доставить ко мне на корабль сего великого адмирала Санкт-бей, явную покорнейшею с награждением его чином. В прочих рекомандуя себя в благосклонную милость вашего превосходительства, с благодарнейшим коим истинным почтением и преданностью имен честь быть.

Милостивый Государь.

Вашего превосходительства покорнейший слуга

Федор Ушаков.

3 сентября 1790 года
Корабль Рож. естаб Христова,

Документ № 16

Милостивый Государь
Василий Степанович!

Почтеннейшее письмо Вашего Превосходительства от 6 го числа сего месяца имен честь получить. За поправление с победою и всеобъемлющие Вашего превосходительства благосклонные милости приношу благодарнейшую мою благодарность, и рекомандую себя в продолжение имен.

С истинным коим почтением и совершеннейшей преданностью имен честь быть.

Милостивый Государь.

Вашего превосходительства покорнейший слуга

Федор Ушаков.

13 сентября 1790 года
На Севастопольском рейде.

¹⁾ Аугуратор — название чина в государственной канцелярии.

Документ № 17

Милостивый Государь,
Василий Степанович.

Почтеннейшее письмо Вашего превосходительства и при сем имен честь и звание злата ордена Св. Владимира имен честь получить. За сие и за все благосклонные ко мне (и соединенным коим) похваления имен покорную милость награждением орденом св. Владимира) оказанные Вашего превосходительства милости и благоприятство приношу благодарнейшую мою благодарность, — явную и в пред с продолжением Вашей милости и признательности. В коим истинным почтением и совершеннейшей преданностью имен честь быть.

Милостивый Государь.

Вашего превосходительства покорнейший слуга

Федор Ушаков.

18 сентября 1790 года
На Севастопольском рейде.

Р. С. Именским батюшка Василию Степановичу сделать милость, изохотайствовать для штат и обер офицерам годовым порционным денгами, сие милость подкрепит всех возможно подкрепит и расхаживая сего имен отменной благодарности.

Документ № 18

Милостивый государь,
Василий Степанович!

Вашему превосходительству имен честь имен: похваления на флоте все исправлены, и имен обсто с севастопольским флотом имен с имен и море имен предпринятых

РУССКИЕ НА КРЫМСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

(Страницы из истории Крыма)

Крым живет в любви к своему славянскому народу. Ему заслуженно принадлежит историческая слава и бесконечной излюбленной страной и всеобщей излюбленной. Он богат не только разнообразной природой, но и своим историческим прошлым. Историческая жизнь на Крымском полуострове началась очень давно, еще в античную эпоху, свыше двух с половиной тысяч лет тому назад. В Крыму, как и в огромном мире, можно ознакомиться с самыми разными эпохами, разными культурами, разными общественными формациями, с историей многих народов, переживавших на полуострове, и с деятельностью многих выдающихся людей.

Крым особенно дорог русскому народу. Крымские земли являются, как доказывает наука, одним из тех регионов, которые были отчуждены прежде русского народа — славян. С полнотой своей история русского и их предков — славян теснейшим образом связана с Крымом исторически, культурно и хозяйственно.

Братия славянская на пороге и происхождения славян и роли Крымского полуострова в их исторической жизни. О происхождении славян и их прародине раньше

среди историков велась большая споры. Западноевропейские историки, главным образом немцы, в свое время создали особую «теорию» о западноевропейском происхождении славян. Они доказывали, что славяне, как и многие другие племена, пришли в Европу только в первых десятилетиях нашей эры и что они не являются ее коренными жителями. Такая «теория» нужна была немецким империалистам для оправдания переселения в восточной Европе. Особенно широко ее использовали фашистские идеологи и идеологической подготовки войны против Советского Союза.

Заслуженность и известность славян на западноевропейские происхождения славян еще в XIX веке разоблачил великий чешский ученый славист-истор Шлофман. На основании убедительных фактов он доказал, что славяне являются коренными жителями Европы. Известный русский ученый Марф Грегориусович обосновал эти доказательства. Современный советский историк академик Деркачанов считает, что полнота исторической жизни наших предков-славян была не нашей страны, частью которого является Крым. Многие археологических раскопок древ-

нейших славянских поселений неопровержимо убеждают, что славяне являются коренными жителями этих мест.

С интересом и приложением славян неразрывно связан другой вопрос. Кто такие скифы? Скифами в античную эпоху греки называли племена, обитавшие в Крыму и к северу от Черного моря. Территорию восточной Европы называли страной скифов или Скифией. Скифы по уровню государственности и культуры являлись наиболее передовыми народами того времени в восточной и центральной Европе. Многие скифские племена, как сообщает греческий историк Геродот, живший в V веке до нашей эры, вели оседлую жизнь, занимались земледелием и скотоводством.

Во II и I в. до нашей эры существовало довольно сильное государство скифов, столицей которого был город Пешинлис¹⁾.

Археологическими раскопками установлено, что у скифов были развиты ремесла, уже обособившиеся от земледелия, присутствие театра на быт, монументальная архитектура, скульптура и живопись.

Последние письменные известия о «геродотовых» скифах относятся ко II — III в. нашей эры. Затем они совершенно исчезают с исторической арене. Истории долго неизвестно, куда они исчезли, столь многочисленный и могущественный народ.

В русской науке уже давно было высказано мнение о том, что скифы не исчезли, а превратились

вплеснувшись в название этого народа и что обязательным явлением — скифы — Геродот называл древнейшие славянские племена. Это мнение подтверждается данными археологических раскопок поселений скифских и древне-славянских племен. Так, например, в материалах таиро-скифской археологической экспедиции института истории материальной культуры имени Марра Академии наук СССР, работавшей в Крыму летом 1945 года, сказано: «Экспедиция дала науке немало новых данных и много приближности того мнения, что скифы — предки славян... Материалы экспедиции наглядно говорят об общности культуры поздних скифов и ранних славян (общности планов городищ, жилищ, посуды, расписия, орнамента, изделий художественного ремесла)».

Специально о Крыме в материалах экспедиции сказано: «Работы экспедиции убеждают в том, что Крым в древнее время не стоял в стороне от великого процесса формирования славянских народов».

Крымский полуостров, благодаря своим естественным богатствам и выгодному географическому положению, всегда привлекал к себе внимание разных народов. Русские, как и их предки-славяне, приходилось на протяжении всей своей истории вести ожесточенную борьбу за Крымские земли.

Начиная со II—III в. до нашей эры, Крымский полуостров и окрестные равнины подвергались беспрерывным нашествиям многочисленных иррегулярных племен. С северо-востока вторгались готы, с востока — аланы, гунны, печенег, хазары и другие орды кочевников.

¹⁾ Пешинлис в русском переводе означает Нижний город или Новгород (окрест. Симферополя).

Во времена этих вторжений, очевидно, порешное славяно-скифское население частично подверглось истреблению или было вытеснено из Крыма, частью нашло убежище в горно-лесной части полуострова или же, подчинившись завоевателям, слилось с ними. Вообще же история Крыма периода раннего средневековья мало изучена. Однако в документах, относящихся к этому периоду, имеются упоминания, что славянские племена продолжали жить на территории Превалонья и Протчерноворья. О них сообщают многие древние историки (Нордн, Проппий Бесарийский, Меланих, Масудя, Джайхани).

Ближайшими предками русских являются восточно-славянские племена, которые в свою очередь также прошли длительный исторический путь формирования, уходящего корнями в более древнюю эпоху.

Первое упоминание о русских (росы, русь, россияне) относится к началу IX века. В Бертинской летописи за 839 год говорится о росах, живших в составе византийского (греческого) подданства к императору Людовику Благодетелю. Следующие известия относятся к 860 и 866 годам. Византийские историки сообщают о походе русских под стенами из столицы Константинополя (Париграда). Вслед за этим сообщениями даны о русском народе появляются в истории все чаще и чаще.

У византийских греков представление о первых руссах связывалось с Крымским полуостровом. Известный историк Карамзин, описывая первый поход русских

дружин к Константинополю, сообщает следующий любопытный факт: «Многие народы попустили их скифами, жители бесплодной горы Таира, уже победителям многих народов окрестных». Как известно, греки называли Крымский полуостров Тапром, Таврией, Тавридой¹).

В первой половине IX века возникает первое русское государство—Киевская Русь. Крым в историю этого государства играет исключительную большую роль. Киевская Русь была тесно связана экономически, культурно и политически с полуостровом. Крым расположен вдоль пути «из варяг в греки», т. е. из Скандинавии в Византию, проходившего через русские земли. Торговый обмен между русскими и средиземноморскими странами происходил в крымских торговых городах (Сурож, Херсонес). В Крыму русские вступали в непосредственные соприкосновения с иранцами, славянами и то время на более высокой ступени своего развития (с греками, арабами и другими).

В момент возникновения Киевской Руси на Крымском полуострове была сложная обстановка. Большая часть территории находилась под властью хана и управлялась наместником хазарского хана. На побережье было расположено несколько крупных торговых городов (Херсонес, Су-

¹ Название «Крым» полуостров получил около XV века, в татаро-турецкий период. До того времени, спустя полуторы тысяч лет, он назывался Тавриотским, по имени древнейшего скифского племени—тавров, обитавших в горно-лесной части Крыма. Тавры долгое время вели ожесточенную борьбу с греческими колонизаторами.

рож и др.). Эти города, выросшие на месте древнейших греческих колоний, имели свое внутреннее самоуправление и находились в зависимости то от хазар, платя им дань, то от Византийской империи, в состав которой они формально входили. В юго-восточной части полуострова существовало отдельное небольшое княжество, которое греки именуют Доры. Оно входило в состав византийских владений.

Киевская Русь по мере своего роста и укрепления вступила в длительную и ожесточенную борьбу за освобождение южных славянских земель в Крыму и на Кубани и за господство на Черном море.

В русских летописях и в описаниях византийских и арабских историков сохранились сведения о походах русских дружин против греков, хазар и других народов.

В «Житии Стефана Сурожского» описан поход в Крым императорского сына Ибрагима, совершенный в середине IX века. В описании рассказывается, что князь Ибрагим «всегда» земли от Херсонеса до Сурожя, т. е. весь южный берег Крыма.

В 907 году дружина под руководством князя Олега на 200 ладьях вернулась Черное море и оставила стоянку Византии — Царград. В результате этого удачного похода был заключен мирный договор, согласно которому русским обеспечивалась свободная плавание по Черному морю и предоставлялись большие льготы в торговле с греческими городами.

В 941—942 г.г. при князе Игоре были совершены два похода против византийцев. По време-

нного похода русские потерпели поражение, а после второго похода был заключен новый договор с греками, на этот раз менее выгодный, чем при Олеге. По этому договору русские должны были отказаться от претензий на византийские владения в Крыму. В пункте VII договора сказано: «Князь русский да не признавает себе власти над страной Херсонесской и городами ее. Когда же он, князь, в тамошних местах, потребует войска от нас, греков, мы дадим ему, сколько будет надобно». Страной Херсонесской византийцы называли южные владения, расположенные на южном берегу Крымского полуострова.

Большую мощимость Киевская Русь достигла в конце X века при князе Святославе. Под его руководством русские дружины совершили целый ряд победоносных походов против византийцев, печенегов и других народов. При нем же было расширено государство хазар.

Во времена княжения Святослава русские историки относят возникновение на территориях Херсонесского и Таврического полуостровов особого русского княжества, известного под названием Тмутараканского.

При князе Святославе князья Киевской Руси в Крыму значительно укреплялись. Помимо земель, находившихся в состав Тмутараканского княжества, на полуострове были и другие русские владения. Это видно хотя бы из того, что Святослав и как-то поодаль отдал свои земли, расположенные в Крыму, управителю княжества Доры, о чем сообщается в «Завещании готского толварха». Очевидно, русская власть в то время рас-

пространалась на все византийские владения в Крыму, ибо в договоре, заключенном Святославом (незадолго до его смерти) с Византией в 972 году, греки требовали, чтобы русские отказались от «области Херсонесской».

«Будемлинический пункт» расцвета Киевского государства, как отмечает Е. Нарек, относится ко времени княжения Владимира (978 — 1015 гг.). В это время влияние русских в Крыму и на Черном море было велико. Арбыские историки называли тогда Черное море «Русским морем». Корпусский пролив — «Русский рекой».

При князе Владимире в Крыму произошло событие, которое имело большое значение в исторической жизни русского народа. В 988 году князем Владимиром был предпринят военный поход в Крым. Во время похода русские дружины овладели принадлежавшим Византии городок-крепостью Херсонесом, который русские называли Корсуном). В Корсуне, князь, Владимир принял христианство; его он затем принудительно вводил во всех Киевских государствах.

Христианство, по сравнению с язычеством, являлось крупным шагом вперед и имело прогрессивное значение. С ним были связаны распространение среди русских грамотности и организация первых школ. К этому же времени относятся начало составления первых русских летописей («Повесть временных лет»). Христианство облегчило установление тесных культурно-политических связей с западными христианскими государствами.

После смерти князя Владимира между его сыновьями возникли

междоусобные войны. Это привело к ослаблению Киевского государства и понизило военно-организательную мощь русского народа.

Сохраняя еще долгое могущество при Ярославле Мудром (1019—1054) и Владимире Мономахе (1113—1125), Киевские государство затем распалось.

Тмутараканское княжество это при жизни князя Владимире было отдано в удел одному из его старших сыновей — Изяславу, предшественнику «Удалому». С этого времени Тмутараканское княжество становится самостоятельным. Оно выступает в самостоятельные сношения с соседними государствами и играет крупную роль среди других удельных княжеств Киевской Руси.

Князь Тмутараканский неоднократно совершал удачные военные походы против соседних племен; лесов, воюя, хазар и других. Они были дружескими с Крымского полуострова остатком хазар.

В середине XI века в князь-русские стали с востока вторгаться большие кочевые орды печенег (кыпчак). Они были изгнаны из степных пространств северного Причерноморья, затем в Днепра. Печенги проникли в степной Крым. Все летописи XII и XIII веков содержат описание войны русских с печенгами в изобилии с историческими данными. Например, в «Слове о полку Игореве» сказано: «Дни плещет вояху зрети, возит погуляти земли печенеге — Волге и по жарину и по сузю и Суралю и Коревню и тебе тмутараканьский болван». Очевидно, тогда писалось «Слово о полку Игореве». Киевская Русь потеряла Крым. Что стало с русским поселением в Крыму, об этом в наших летописях ничего не гово-

рители. Однако имеются отрывочные упоминания о том, что на занятой половцами территория долгое время сохранялось русское население. Оно даже имело своих князей, находившихся в вассальной зависимости от половцев, а впоследствии от татар.

Новые, более мощные волны кочевых орд, вторгшихся в начале XIII века в русские земли, на много веков оторвали Крым и Черное море от русского народа. Бесчисленные татаро-монгольские орды огненной рекой прошли по всем южным степям Причерноморья, истребляя все на своем пути. Население было частью уничтожено, частью отогнано далеко на север. Татары надолго утвердили свое владычество над русским народом.

Власть татар над завоеванными странами К. Марс называл «кровавой грозой монгольского ига», которое «не только давило, оно оскверняло и осушало самую душу народа, ставшего его жертвой». Это иго продолжалось свыше двух столетий.

Татаро-монгольские завоевания, обеспокоившись на русской земле, объединились в одно мощное государство «Золотая Орда». Крымский полуостров входил в состав этого государства как один из его улусов (провинций). Золотоординские ханы назначали в Крым своих управителей-наместников (таунов) или отзвали его и удел наиболее видным представителям из татарской феодальной знати. В числе наместников были известный Ногай и ползачливый полководец Мамай, разбитый Дмитрием Донским на Куликовом поле.

В 70-х годах XIII века один из

наместников хана продал генуэзским торговым городам Крыма—Феодосию (Кафа), Сураж, Херсонес и другие. Через эти города-колонии проходила большая торговля, причем главным видом «товара» являлись невольники. На этой территории процветали и богатели генуэзские города.

В XV веке произошел распад золотоординского государства на несколько самостоятельных татарских ханств. Крымский улус отделился от «Золотой Орды» одним из первых. Во главе его с 1427 г. встала династия ханов Гиреев, но самостоятельность крымскому ханству сохранить удалось ненадолго. Турки, используя постоянные внутренние междоусобицы в ханстве, в 1475 году вторглись в Крым и утвердили свое господство. С этого времени начинается татаро-турецкое владычество, продолжавшееся около трех столетий.

Татаро-турецкое владычество в Крыму, несомненно, является одним из самых мрачных периодов его истории. Крымское ханство было марionеткой в руках Турции. Султан смещал и назначал ханов в любое время по своему усмотрению. По всей территории ханства были разбросаны сильно укрепленные крепости с многочисленными турецкими гарнизонами. Весь южный берег непосредственно подчинился туркам. Все высшее хусульманское духовенство в Крыму назначалось и смещалось из Стамбула.

Татарское население крымского ханства было занято мирным хозяйственным трудом. Основным занятием татар были войны и целая грабежа. Об этом свидетельствуют все современники и материалы из истории крымского ханства. Француз Блез-

де-Викентер в своей книге, вышедшей в 1573 году, пишет: «...татары не признают иного закона, кроме войны, т.е. воеванных набегов, сопряженных с убийством и граблением». Итальянец д'Аксолл, проживший в Крыму 10 лет (с 1624 г. по 1634 г.), сообщает: «Властители Татарии издали обыкновение идти понабавлять двинцы в год или, по крайней мере, хотя один раз, по подобие предпринятого слоновало бы скорее называть разбоем, чем войной». Русский историк Смирнов, подробно изучивший историю Крымского ханства, утверждает, что «восточным обогащением крымцев были прежде всего, конечно, грабительские набеги на соседние страны». Об этом же говорит Мухамед Латиф, бывший в Крыму в качестве посла от Латинского государства в 1550 году, и многие другие современники.

Перелом населения крымского ханства к массовому рабствоуственному труду совершился внезапно, под влиянием новых толков, и, главным образом, в связи с усилением Русского государства.

Крым во время татаро-турецкой господства, с XIII века до второй половины XVIII века, был оторван от русских земель, но в жизни русского народа продолжал играть своеобразную роль: он являлся источником каторгой и крупнейшими междоусобицами рынком русских невольников.

Крымские татары, конечно, и тогда и два раза в год совершали разбойничьи набеги на русские, черкешские и белгородские земли. Во время своих набегов они разрушали и поджигали опустошенным обширейшим войнами и захватывали в плен многие десятки тысяч

мужчин, женщин и детей. По сообщениям современников (Мухамед Латифа, д'Аксолла и других), количество похищенных в отдельные годы доходило до 60—70 тысяч человек и более. Можно себе представить, сколько нанки соотечественников за несколько летом татаро-турецкого господства прошли через Крым на невольничьи рынки!

Захваченных пленников татары стогнали в Крым, откуда распределяли в разные страны Азии, Африки и Европы. Кафа (Феодосия) и Геллен (Евпатория) являлись крупнейшими мировыми невольничьими рынками. Там совершался торг между татарами и иностранными купцами, привозившими из своих «тырмач».

Основным потребителем невольников была Турция. Ей нужны были невольники как рабы в дворцовых крупных феодалов и для работы на многочисленном галерном, гребном флоте. Детей-невольников турки воспитывали в нравах своей религии и с малолетства приучали их к строгой подчиненности. Затем из этих коноев формировали особые воинские части пашагар. Женщины-невольницы шли для пополнения гаремов. В жизни русского и украинского народа до сих пор еще сохранились тяжелые воспоминания и печальный опыт соотечественников, томившихся в татаро-турецкой неволе.

Как только Русское государство отошло с феодальной раздробленностью и освободилось от татарского ига, началось злечение русских к своим истинным делам—в Причерноморье и Крым. Захватывая многовековой ожесто-

ченны борьбы с Крымом известны и его властелины—Турки.

Крымский полуостров, занимавший ключевые позиции на Черном море, необходимо был разграничен Московскому государству для выхода на мировые рынки.

В 1556—59 г.г. при Иване Грозном было предпринято несколько военных походов против Крымского ханства. Особенно удачным был поход под руководством Диниала Адашева. Он с отрядом в 8000 человек спустился по Днепру в Черное море, высадка десанта на западном берегу Крыма и боевые действия совершил успешные рейды по полуострову. Затем он благополучно вернулся обратно.

Не менее удачными были походы хановых казаков под предводительством князя Васьковедского, овладевшего татаро-турецкой крепостью Ислам-Кермань (на Днепре), и князя Рязанского, разбившего войска крымского хана в районе нижнего течения Днепра. Одновременно русские войска проникли в низовья Дона, а черкесские князья, действовавшие в союзе с русскими, вели наступление на Кубани и овладели так двумя городами—Таманью и Таганрогом.

Такой образ действий Ивана Грозного полностью подходил к Крыму со стороны Перекопа и Бердянского пролива, но события, на западе не позволяли Ивану IV завести до конца начатую войну на Крым. Однако в целях обороны от беспрерывных набегов крымских татар была сооружена линия оборонительных укреплений («защитная черта»).

Оборонительные укрепления начинались от Нижнего Новгорода по р. Ока до Серпухова и отсюда на Тулу и на Колоцкий «Черта» со-

стояла из ряда городов, острожков, острожков, между которыми были вырыты каналы и выкопаны реки. Несомненно позднее была построена другая линия, которая проходила южнее р. Ока, от Рязани до Колоцкого, мимо Вязьмы, Тулы, Одоева, Лихвина до реки Джиктры. Позднее была построена еще линия, которая шла у Алатыря через Шацк, Рязань, Данюков. Орел, на юг к Новгороду Северскому, а оттуда к Путилу. По этому можно судить, как далеко проникали в глубь малой страны крымские татары во время своих разбойничьих набегов.

После смерти царя Ивана IV русское государство пережило большие потрясения. Среди боярской знати происходили борьбы за власть. На сцену выжили представители протекции на царский престол. Западные соседи, воспользовавшись этим обстоятельством, повели наступление на русские земли. Польше удалось даже захватить Москву. Этот период известен в истории под названием «Смутного времени». Все население народа было обращено на изгнание западных интервентов и восстановление порядка внутри страны.

Нужно также помнить, что в то время Турецкая империя находилась в зените своего расцвета. Она овладела большими территориями в Азии, Африке и Европе и своей агрессивностью навязывала страх даже на крупнейшие страны мира.

Такая внутренняя и внешняя обстановка заставила правительство России отказаться от планов борьбы за Крым и за выход к Черному морю, а в отношении турок и татар ограничиться оборонительной политикой—строить ук-

репления, страдать набегом и отступаться ватагами.

Созруженные оборонительные укрепления и продовольствие на их продолжались и при преемнике Иване IV, еще около сотни лет.

Но, кроме того, крепкая резлювом против разбойничьих набегов крымцев явилось кипорожское и донское казачество, которое складывалось из волевого населения, осевшего в XVI—XVII в. в районах Дона и нижнего течения *Днепра. В беспрерывной борьбе с татарами и турками казачество выработало себе славу бесстрашных воинов. Их первые подвиги гужили весь мир. Д'Алесса писал, например, о них: «...поники имеют такой страх не только в Татарии и во всем Черном море, но и в Константинополе, что из-за них там вооружают ежегодно флот». Яков Соболевский сообщает, что казаки «доходили султаном до бешемства нападения на их пригородские города». Русское правительство поддерживало казачество, снабжая их продовольствием и бесстрашием.

К полной ликвидации татаро-турецкого владычества в Крыму Россия перешла в конце XVII столетия. В 1687 году русская армия под руководством князя Голицына предприняла первое наступление на Крым. Во время зимней войны с Персией татары положили Таврические стены. Солдатам пришлось идти на выжженной и безводной местности. Началась массовая заболеваемость. Голицын вынужден был отказаться от плана и вернуться обратно. Второй поход князя Голицына в 1689 году был тоже неудачным. На этот раз войска преодолели стены и вплотную подошли к Перекопу, но овладеть

перешейками укреплёнными им не удалось.

В 1689 году, т. е. в год последнего неудачного похода Голицына против Крыма, на царский престол вступил Петр I. Великий преобразователь России, вступив на престол, заявил: «России нужна вода». Эти слова явились девизом всей его жизни. Первый поход Петра был обращен к Черному морю, и первой его войной была война с турками.

Петр I ставил перед собой задачей не только приобретение крымских земель, но и полное вытеснение турок с северных берегов Черного моря.

В 1696 году под непосредственным руководством Петра I открылись военные действия. Основной удар был направлен на Азов, оплодотворенно часть войск под командованием Шереметьева действовала в низовьях Днепра, на Переиспском направлении. Шереметьеву удалось овладеть одной татаро-турецкой крепостью на Днепре — Кизил-Керменом. Войска, выдвинувшиеся к Азову с суши, из-за отсутствия вооружения и недостаточной военной подготовки не смогли взять сильно укрепленной крепости, к которой турецкий флот беспрестанно подвозил вооружение и военные пополнения. Для успешной осады Азова необходим был флот.

В следующем 1696 году поход на Азов был повторен. На этот раз с помощью построенного на зиму флота удалось овладеть крепостью.

Опыт двух войн побуждал Петра, что для победы над Турцией России необходимо мощный военно-морской флот и более крепкая, лучше вооруженная и обученная армия. Но для этого требовалась

ного времени и много средств. Петр I для борьбы с Турцией решил найти себе союзников среди западных государств. С этой целью он был организован так называемый «Великое посольство», в составе которого под именем «урядника» Петра Михайлова отправлялся за границу и сам Петр.

Самостоятели с того времени международными обязательствами построили первоначальные планы и оттолкнули внимание Петра на запад, к берегам Балтики. Во избежание войны на два фронта Россия вынуждена была заключить с Турцией мир.

Петр I до самого конца своей жизни не оставлял мысли о вытеснении турок с северных берегов Черного моря и Крыма. Генерал Минихович, близкий к России посол после смерти Петра и участвовавший в Крымском походе 1736 года, писал в своей книге, что по приказанию Петра «...на Дневе устроены были большие заводы, изготовлены в Воронеже и других местах множество лесов для постройки судов, запасено большое количество оружия, военных припасов, солдатского платья; слепочник был готов к походу, как смерть постигла Петра и проект не состоялся».

В 1735—39 гг. снова вспыхнула война между Россией и Турцией. Официально предлогом к объявлению войны послужили беспрерывные набеги татар на русские земли. Основание военным действиям раздиралась на Крымском полуострове. В 1735 г. русские войска разбили татар на передовых к Крыму. Летом 1736 года были захвачены некоторые укрепления. Войска генерал-фельдмаршала Миниха проникли в Крым и заняли ста-

цию Крымского ханства — Бахчисарай. Но из-за постоянных заболеваний солдат войска Миниха осенью того же года была вынуждена из Крыма. В 1737 и 1738 гг. повторились летние походы в Крым под командованием генерала Ласси.

Несмотря на успехи русских войск, результаты войны оказались незначительными. При заключении мира 1739 года большая часть освобожденной территории пришлось возвратить Турции. Общие потери русских в этой войне доходили до 100 000 человек.

Следующая русско-турецкая война (1768—1774 г. г.) началась по инициативе Турции, которая хотела окончательно захватить Крым и вступить в войну с Россией и в связи с польской войной. Эта война сразу приняла огромные размеры и развернулась на широком фронте от Кавказа до Дуная. Россия не была подготовлена к войне с Турцией и в первое время испытывала значительные затруднения.

В 1770 году во главе войск был поставлен крупнейший полководец фельдмаршал Румянцев. Ему удалось перенести образ действий войны в пользу России.

В 1771 году основные операции сосредоточивались на Крымском полуострове. 13 июня началась одновременная наступления на Перекоп и на Арабатской стрелке. 15 июня русские войска вошли в Крым. К концу июля весь Крымский полуостров был очищен от турецких войск. По военным действиям на полуострове еще долго не прекращались. То там, то тут происходили стычки между русскими войсками и татаро-турецкими вооруженными отрядами, скрывавшимися после разгрома в горно-лесной части Крыма. Турки

неоднократно предпринимали нападения десантами на крымские берега. В одном из сражений против турецкого десанта, около деревни Шумы (в районе Алушты), 24 июля 1774 года был нанесен разгром и главнокомандующему, тогда еще бывшему в чине полковника.

В 1773 году на русско-турецкий фронт из Польши прибыл Суворов. В результате его блестящих побед турецкой армии было нанесено тяжелое поражение. Но внутреннее положение страны (восстание Пугачева) требовало быстрого окончания войны. Начались переговоры и мир. Императором Екатериной II, чтобы развязать себе руки для подавления крестьянских восстаний, пошло на значительные уступки Турции.

Летом 1774 года был заключен Кузун-Кайнарджийский мирный договор. По договору Россия получила в Крыму Керчь и крепость Николаев, а при устье Днепра — крепость Каховка. Крымское ханство было объявлено независимым государством.

Миром Петра I о выходе России на Черное море осуществился. Но окончательное присоединение Крыма к России отодвигалось еще на несколько лет. Решением этого исторического вопроса стало намерение полководца Суворова и великого русского деятеля Потокина.

Тотчас же после заключения мира между Россией и Турцией началась ожесточенная дипломатическая борьба за влияние на Крымское ханство. В этой борьбе Турция подстрекала некоторые крупные князья-аристократы-государства. В качестве между-сторонника русский и турецкий

аристократы провоцировали беспорядочные вооруженные столкновения. Турецкий флот все время курсировал вокруг Крымского полуострова, а часть кораблей стояла в Алуштинской (Севастопольской) бухте. Турки своих приверженцев снабжали боеприпасами и подкрепляли живой силой. На полуострове сложилась острая и запутанная ситуация. В этот момент, в конце 1776 года, по предложению Потокина в Крым был прислан Суворов.

Суворов проявил исключительно уважительную заботливость и быстро нанес измученный народок. Он разбил и рассеял все вооруженные татаро-турецкие отряды и окончательно вытеснил турок из Крыма. Одновременно им были укреплены берега полуострова и заложено основание Севастопольской крепости. Этим самым была предопределена дальнейшая судьба Крыма.

8 апреля 1783 года Екатерина II была подписана декларация об укреплении Крымского ханства и об окончательном присоединении Крыма к России.

Присоединение Крыма к России не было захватом чужой земли. Этих делов Россия была лишена земли, которые в течение многих сотен лет были заселены предками русских. Кроме того, еще раньше за черной линией татаро-турецкого владычества крымские земли неоднократно находились в руках русского государства. Следует также помнить, что включение Крыма в состав России имело вообще большое положительное значение для народа, населявшего полуостров. «Россия — великая Империя и велика с К. Марку 23 мая 1851 года, — действительно играет прогрессивную

роль во отношении к востоку. Господство России играет исключительную роль для Черного и Балтийского морей и Центральной Азии, для болгар и татар.

Турция постоянно враждовала с жителями южного Крыма. Но окончательно, через три года после присоединения Крыма к России (1787 г.), снова вспыхнула война из Крыма. Главным удар турецкого командования рассчитывало нанести со стороны своей крепости Очаков, расположенной в устье правой стороны Днепра. Турция намеревалась прорваться к воротам Крыма — Перекопу и отрезать русскую армию, расположенную на полуострове. Поистине к Крыму подошла русская крепость Каибурн, расположенная против Очакова на левой стороне Днепра. Поистине Каибурн считалось главной крепостью Крыма. Полководцы считали было вероятным, что командовавший русской армией Потемкин не надеялся отстоять Крым.

Екатерина II беспрерывно запрашивала Потемкина о положении на Крымском участке фронта. Положение было Суворов, который командовал войсками, расположенными в крепости.

Турки неоднократно делали попытки овладеть Каибурном и прорваться к Перекопу. Но русские войска под командованием Суворова во время операции отбили и имели решительные успехи в борьбе с авантюристами турок, пытавшимися Крым. В этот раз Суворов был близок к полной победе.

Война продолжалась с 1782

по 1791 год, закончилась полной победой русского оружия. Но русской армии еще неоднократно предстояло пролить кровь, защищая свой родной Крым от разных захватчиков и интервентов. Воинские героические обороны города Севастополя во время Крымской войны 1854 — 56 гг. Эти первая оборона города-героя является одной из ярких страниц в истории русской армии, сражавшейся против объединенных сил четырех крупнейших государств — Англии, Франции, Италии и Турции. Доблесть и мужество участников первой обороны Севастополя служили примером для защитников города-героя в последующие годы в том Великой Отечественной войны, во время которой еще более славной обороной.

Новые попытки захватить Крым иностранные авантюристы предпринимали в разные годы советской республики (с 1918 — 20 гг.).

В 1918 г. в Крым вторглись немецкие захватчики. Их occupation длилась около 7 месяцев. В ноябре 1918 года немцы были изгнаны из Крыма. Но на своем мы приехали войска англо-французских интервентов.

Младшая Красная Армия, руководимая Лениным и Сталиным, в ноябре 1920 года освободила Крым, пленив с территории полуострова всех иностранных захватчиков и их приспешников — белогвардейцев.

События, происшедшие на Крымском полуострове в том Великой Отечественной войны, являются в истории войны.

Крым стал еще более близок к своей родине народу.

П. ПАВЛЕНКО

КРЫМ В 1950 ГОДУ

1

Передо мною — цифры и проекты, поразительные своей микро-скопической точностью.

Просто удивительно, как это можно все подсчитать и суммировать... Где-то здесь, в лучшем свете в выкладки, и моя жизнь, моя потребность в завтрашнем, — электрическая энергия, которую я сожгу в течение пяти лет, вода, которую я выпью, хлеб и мясо, которые я должен буду съесть.

Вулауные дороги, дома, мосты и книги пока что выглядят только цифрами, но за любой незначительной или даже более длинной цифрой я уже и сейчас чувствую напором еще не пережитых ощущений и еще не освоенных, а лишь лахужанных форм, форм, которые будут завтра.

Мы еще не оценили их, но они уже есть — и не в моем одиноком воображении, а в таинственных шепотах миллионов, этих рожденных мыслей и художников завтрашнего.

Если бы в Лондоне или Вашингтоне вышла книжечка «Англия в 1950 году» или «Америка спустя пять лет», ее появление могло бы быть объяснено только одним: желанием поработать за человеческой жизнедеятельности.

Нам, советским людям, даже трудно себе представить, что за рублем в СССР люди живут, но идея понятия не только о том, что с ними будет через пять лет, но даже и о том, что с ними случится завтра.

Они не знают, будет ли у них заработок, квартира, еда.

Они не знают, станет ли их город обширнее и богаче или наоборот — обезлюет и сожмется туже.

Откроется ли в их квартале новая школа или закроется?

Будет ли легко с обучением и продолжением и на какие профессии и специальности понадобится спрос на биржах труда?

Мы не сможем бы так жить.

На звать судьбы своего родного города и даже больше того — родной улицы?

На звать, клануть проекты и отчисления кинки воспитательных гор, скрывающих еще совершенно неразведанных уток, надежды таинственного очарования?

На чувствовать, что наш завтрашний день будет лучше и легче сегодняшнего?

Да тогда вся жизнь потеряла бы свою особенную глубину и